

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 50.

1870 года. Декабря 13-го.

Содержаніе: Древній христіанскій религіозный символизмъ. — Должность псаломщика Православной Церкви. — Старые обычаи и новые взгляды. — Откуда всегда видны плоды нашего проповѣдничества. — Объявленія.

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКІЙ РЕЛИГІОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМЪ ¹⁾.

Символическія изображенія св. евангелистовъ.

Четыре евангелиста обыкновенно изображаются подъ эмблемою четырехъ крылатыхъ образовъ—человѣка, льва, тельца и орла. Въ первый разъ эти символическіе образы описаны у пророка Іезекіиля (гл. 1),—и потомъ повторены св. Іоанномъ въ Апокалипсисѣ (4, 6 и 7), гдѣ мы читаемъ: *и посрединѣ престола и окрестъ престола четыре животна ... и животное первое подобно лъву, и второе животное подобно тельцу, и третіе животное имущее лице яко чловѣкъ, и четвертое животное подобно орлу летящу.* Отцы и учителя Церкви, каковы—св Амвросій, блаженный Іеронимъ и блаженный Августинъ, различно объ-

¹⁾ См. № 46—й.

ясняютъ это мѣсто Апокалипсиса. По мнѣнію однихъ ¹⁾ каждое изъ четырехъ упомянутыхъ животныхъ въ приложеніи къ евангелистамъ выражало собою стиль или характеръ исключительно-свойственный каждому изъ нихъ; другіе, напротивъ, полагаютъ, что означенныя животныя относятся къ самому Спасителю и изображаютъ различныя состоянія Его земной жизни. Съ точки зрѣнія первыхъ образъ человѣка долженъ быть усвоенъ евангелисту Матѳею, такъ какъ онъ начинаетъ свое евангеліе человѣческой генеалогіей Спасителя: *книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля....* Левъ долженъ быть усвоенъ евангелисту Марку, въ словахъ котораго, начиная со втораго стиха его евангелія, какъ бы слышится голось льва, рыкающаго въ пустынь: *гласъ вопіющаго въ пустынь: уготовайте путь Господемъ*; евангелисту Лукѣ долженъ быть приданъ телець, потому что онъ начинаетъ евангельскую исторію Захаріемъ священникомъ и жрецомъ. Наконецъ орелъ служить эмблемою евангелиста Іоанна, который въ высокомъ пареніи своего слова порывается въ высшую область божественныхъ тайнъ, чтобы раскрыть предъ нашими глазами, такъ сказать, божественную генеалогію Искупителя: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* и т. д. Съ точки зрѣнія другихъ толкователей эти эмблемы усвоятся самому Іисусу Христу; такъ какъ Онъ во 1-хъ, сошедши съ неба, благоволилъ сдѣлаться *человѣкомъ*, во 2-хъ, подобно *льву*, поразилъ вѣхъ враговъ своихъ, — въ 3-хъ, подобно *тельцу*, Онъ сдѣлался жертвою примиренія за родъ человѣческій, — наконецъ, силою своего могущества, воззвавши къ жизни свое тѣло, на мгновеніе только покорившееся царству смерти, Онъ, по-

¹⁾ Augustin. De consens. evangel. 1. 6. — Hieron. Comment. In Matth. Prooem.

добно *орлу*, въ быстромъ пареніи божественной славы под-
нялся на небо ¹⁾).

Но, какъ бы то ни было, символическое изображеніе евангелистовъ подъ образомъ означенныхъ четырехъ живот-
ныхъ является на памятникахъ христіанскаго искусства не
прежде V-го вѣка. И слѣда ихъ нѣтъ на днѣ чашъ, отно-
сящихся къ роду памятниковъ весьма глубокой древности,
а также не видно ихъ и на фрескахъ въ римскихъ ката-
комбахъ, ни въ скульптурѣ на саркофагахъ. Первый при-
мѣръ изображенія четырехъ евангельскихъ животныхъ пред-
ставляетъ намъ диптихъ, сдѣланный изъ слоновой кости, и
относящийся къ V вѣку, съ котораго времени памятники
этого рода начинаютъ воспроизводить означенныя изобра-
женія уже часто. Точно также много примѣровъ упомяну-
тыхъ изображеній представляютъ и мозаики древнихъ цер-
квей въ Римѣ и Равеннѣ, существующія также съ V вѣка.
Такова мозаика въ церкви мученицы Сабинны, исполненная,
по приказанію Целестина 1-го, въ 424 г., въ которой орелъ
изображенъ на первомъ мѣстѣ, левъ на второмъ, далѣе слѣ-
дуетъ человѣкъ и наконецъ телець. Кстати замѣтить, что
порядокъ, въ которомъ изображаются эмблемы четырехъ
евангелистовъ, весьма различенъ на различныхъ памятни-
кахъ, и зависитъ, конечно, отъ произвела художниковъ.

Часто вмѣстѣ съ символическими фигурами животныхъ
христіанскіе художники соединяли изображенія и самихъ
евангелистовъ, какъ на примѣръ, въ мозаикахъ церкви св.
Виталія равенскаго, исполненныхъ въ 557 году. Здѣсь еван-
гелисты изображены сидящими, съ открытыми книгами въ
рукахъ, а выше надъ ними символическія животныя. Над-
писи, которыя имѣетъ каждая изъ этихъ книгъ, показы-
ваютъ, что евангелисту Матѳею соотвѣтствуетъ человѣкъ;

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par Martigny, 1865.
pag. 250. 251.

левъ безъ крыльевъ—евангелисту Марку; телець также безъ крыльевъ—евангелисту Луцѣ; наконецъ орелъ—евангелисту Іоанну. Вообще надобно замѣтить, что означенныя символическія животныя весьма часто представляются крылатыми, хотя бы они были изображены только до пояса, какъ, напримѣръ, въ мозаикѣ церкви мученицы Сабины, или во весь ростъ, какъ въ другихъ произведеніяхъ того же рода,—притомъ, голова ихъ увѣнчана ¹⁾ сіяніемъ (нимбомъ), какъ, напримѣръ, въ мозаикѣ триумфальной арки въ церкви св. Павла на пути остійскомъ, относящейся ко времени первосвященства св. Льва Великаго, именно къ 441 г., и въ мозаикѣ большой арки въ церкви ливерьенской, обязанной щедрости Спеста III (443 г.). Кромѣ того, означенныя символическія животныя часто изображаются съ книгами евангелій, какъ, напримѣръ, въ мозаикѣ церкви св. Космы и Даміана, исполненной, по приказанію Феликса IV, около 530 г., и въ мозаикѣ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ (567 г.). Археологъ Костадини упоминаетъ даже о такомъ изображеніи, находящемся въ одной древней аквилейской церкви и въ одномъ рукописномъ служебникѣ: »въ начальной буквѣ cadaго изъ евангелій начертанъ обыкновенный образъ ихъ писателя, но имѣющій вмѣсто человѣческой головы голову того символическаго животнаго, которое усвоено евангелисту, увѣнчанную золотымъ нимбомъ«.

Кромѣ указанныхъ нами памятниковъ, изображенія четырехъ евангелическихъ животныхъ встрѣчаются еще на нѣкоторыхъ крестахъ, относящихся къ довольно глубокой древности, по четыремъ концамъ ихъ, на томъ основаніи,

¹⁾ Впрочемъ на памятникахъ христіанскаго искусства, относящихся къ позднѣйшему времени, начиная съ VIII вѣка сіяніе вокругъ головы евангелическихъ животныхъ удержано только для одного образа челоѣка, какъ, напримѣръ, въ мозаикѣ въ церкви св. Виталія равенскаго и друг.

какъ думаютъ, что евангелисты мученичествомъ запечатлѣли свое свидѣтельство о Божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа, и силою своего евангельскаго слова, какъ бы участвовали въ великомъ дѣлѣ искупленія, совершеннаго на крестѣ Спасителемъ. Кромѣ того, образы евангелическихъ животныхъ представляются еще на базисахъ алтарей, на священныхъ сосудахъ, на священныхъ одеждахъ, относящихся ко времени очень древнему, и наконецъ на нѣкоторыхъ медаляхъ. Археологъ Паціоди описалъ одну бронзовую медаль, которая на одной изъ своихъ сторонъ имѣетъ образъ *человѣка и орла* съ такою надписью: *ΜΑΘΕΩΣ* (т. е. *Matthaeus*)—*ΙΩΑΝΝΗΣ*, а на другой—образы *льва и телца* сопровождаемые надписью: *ΜΑΡΚΕ* (*Marcus*) *ΔΥΣΑΒ*. Каждая изъ этихъ двухъ группъ раздѣлена крестомъ, а надъ головою каждой символической фигуры изображена звѣзда. Наконецъ, археологи думаютъ видѣть евангелистовъ въ тѣхъ лицахъ, которые на нѣкоторыхъ саркофагахъ изображены съ свитками въ рукахъ. Большое вѣроятіе придаетъ этому мнѣнію особенно то обстоятельство, что на одномъ саркофагѣ, на которомъ изображены апостолы, скатанные свитки служатъ атрибутомъ только для трехъ изъ нихъ. Отсюда заключаютъ, что двое изъ нихъ должны быть апостолы св. Матѣей и св. Іоаннѣ, а третіе лицо, изображенное здѣсь, есть св. Маркъ.

Символическія изображенія рая.

— На христіанскихъ памятникахъ идея рая выражается двоякимъ образомъ: или посредствомъ символовъ, или посредствомъ письменныхъ формулъ. Согласно съ нашею задачею—мы будемъ имѣть въ виду одни символическія изображенія рая.

Слово *рай*, *paradis*, еврейскаго происхожденія и имѣетъ значеніе тождественное съ словомъ *hortus conclusus*, запер-

тый садъ. Отцы и учителя Церкви называютъ его *вѣчнымъ садомъ*, мѣстомъ наслажденія, *гдѣ безпрестанно распускаются цвѣты*, распространяющіе благоуханіе, которое превосходитъ всякое описаніе.

Аналогическими красками Сатурусъ (Saturnus) изображаетъ рай въ дѣяніяхъ св. Перпетуи: «тамъ всегдашняя зелень, говоритъ онъ, розы и цвѣты всякаго рода». Въ третьей главѣ тѣхъ же дѣяній описывается, какъ мученики собрались въ небесномъ саду подъ розовымъ кустомъ и вдыхаютъ въ себя невыразимое благовоніе до пресыщенія. Впрочемъ, легко можно заимствовать изъ древнихъ писателей тысячи образовъ, въ которыхъ мѣстопробываніе блаженныхъ уподобляется всему тому, что есть самаго роскошнаго и самаго прекраснаго въ настоящей природѣ. Причина понятна: умъ человѣческій, пытающійся создать себѣ идею вѣчнаго блаженства праведныхъ въ раю, по ограниченности своей, ищетъ для этого элементовъ естественно въ томъ, что составляетъ его наслажденіе въ здѣшней жизни. Такъ, восточныя литургіи въ молитвахъ, возсылаемыхъ къ Богу за души вѣрующихъ, отшедшихъ изъ этой жизни, изображаютъ вожделѣнный рай въ поэтическихъ краскахъ взятыхъ изъ здѣшней жизни. Для примѣра укажемъ на литургію александрійскую, носящую имя св. Василія Великаго ¹⁾, въ которой въ заупокойной молитвѣ находится слѣдующее прошеніе: *«Господи! введи ихъ, т. е. умершихъ, и собери въ мѣсть зелену, на водахъ покойныхъ, въ раю сладости, откуда изгнаны болѣзни, печаль и стоны, въ сіяніи святыхъ твоихъ»*.

Впрочемъ, если бы и не было древнихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, то однихъ археологическихъ памятниковъ было бы совершенно достаточно, чтобы

¹⁾ Apud. Renaudot. Liturgiarum orientalium collectio. Paris. 1714. t. I. p. 73.

составить себѣ понятіе о тѣхъ идеяхъ, какія имѣли первенствующіе христіане о мѣстопребываніи праведныхъ. Эти памятники двухъ родовъ: одни изъ нихъ посвящены памяти умершихъ, другіе—прославленію Іисуса Христа, пресвятой Дѣвы и святыхъ. Такъ христіанскія гробницы, откуда христіанская надежда навсегда изгнала всякую идею печали и скорби, повсюду представляли аллегорическій образъ рая въ изображеніи деревьевъ, цвѣтовъ, вѣнковъ и гирляндъ, словомъ—вѣчной, никогда не prestaющей весны: *«semper continuo vernant ubi gramina rivis»*, читаемъ мы въ одной прекрасной римской надгробной надписи, написанной метрическими стихами и восходящей къ IV вѣку ¹⁾. Душа умершаго изображается въ этомъ случаѣ подъ образомъ жены, стоящей между двумя деревьями,—въ положеніи созерцательномъ, или въ положеніи восхитительнаго блаженства, и это одинаково можно видѣть, какъ на самыхъ простыхъ надгробныхъ камняхъ, такъ и на самыхъ богатыхъ саркофагахъ. Точно также на погребальныхъ урнахъ образъ рая означался деревьями, или виноградными вѣтвями, изображенными между различными группами лицъ. Въ другомъ мѣстѣ рай выражается посредствомъ образа обѣтованной земли, т. е. изображеніе представляетъ двухъ израильтянъ, несущихъ на своихъ плечахъ большую виноградную кисть. Усыпальницы въ катакомбахъ, служившія мѣстомъ погребенія цѣлыхъ фамилій, представляютъ подобныя же украшенія, только исполненныя съ большимъ богатствомъ и великолѣпіемъ, по причинѣ большаго пространства, такъ что здѣсь иногда изображались цѣлыя рощи, среди которыхъ спидитъ Божественный Пастырь, и, какъ можно думать, расточаетъ избраннымъ свои сладкія бесѣды.

Но необходимо замѣтить, что всѣ означенныя симво-

¹⁾ De-Rossi,—*Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores*. 1857—1861. t. 1. p. 141. n. 317.

лическія представленія рая изображаются на гробницахъ простыхъ вѣрующихъ, только подъ видомъ желанія, или какъ свидѣтельство благочестиваго упованія на Божественное милосердіе, а отнюдь не для того, чтобы показать ихъ дѣйствительное блаженство въ раю, на которое они могли только надѣяться, не больше... Съ большимъ великолѣпіемъ и гораздо съ большею справедливостію, означенныя изображенія представляются на памятникахъ, воздвигнутыхъ во славу Спасителя, пресвятой Дѣвы Маріи и другихъ святыхъ. Таковы, напримѣръ, мозаики, украшающія своды главныхъ церквей римскихъ и равеннскихъ, именно: мозаика церквей св. Космы и Даміана, Цециліи, Маріи *in Dominica* въ Римѣ и Агаѳи въ Равеннѣ, въ которыхъ Спаситель представляется стоящимъ или сидящимъ на тронѣ, покрытомъ драгоценными камнями, и окруженномъ ангелами и святыми, — посреди великолѣпнаго сада, испещреннаго тысячами цвѣтовъ. Мѣстопребываніе въ раю св. Дѣвы, Себастіана и Петра узника римскаго, Аполлинарія въ церкви его имени, въ Равеннѣ, также представляется подъ образомъ сада. Такъ изображался рай и на памятникахъ относящихся ко времени болѣе древнему, напримѣръ на днѣ тѣхъ позлащенныхъ чашъ, которыя употреблялись на агапахъ во время гоненій. Здѣсь святые, уже прославленные, также изображены стоящими на землѣ, покрытой цвѣтами, или молящимися между двумя деревьями, которыя можно назвать сокращеннымъ образомъ рая. Точно также праведные изображались и въ фрескахъ катакомбъ. Съ большимъ великолѣпіемъ изображались особенно дѣвы и вдовы, каковы напримѣръ—Агнесса, Прискилла, Цецилія и проч., которыя въ этомъ случаѣ всѣ покрыты драгоценными тканями, въ браслетахъ, ожерельяхъ и съ кольцами на рукахъ и проч..., какъ участвующія въ брачномъ пиршествѣ Божественнаго Агнца, — какъ жены ради своихъ мужей.

Но кромѣ означенныхъ изображеній рай, на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ рай или мѣстопробываніе праведныхъ изображался весьма часто подѣ образомъ пиршества. Изображенія этого рода воспроизводились въ живописи римскихъ катакомбъ, въ скульптурѣ на саркофагахъ, на надгробныхъ урнахъ и проч... Означенныя изображенія пиршества прямо исходятъ изъ священнаго писанія, такъ какъ райское блаженство подѣ образомъ пира часто изображается въ самомъ Евангеліи (Лук. 12, 37. 22, 29). Но до повѣйшаго времени изображенія пиршества на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ принимали за простое изображеніе агапъ; только въ недавнее время христіанская археологія, въ лицѣ ученаго аббата Полидора, открыла ихъ истинное значеніе эмблеммы небснаго райа. Точно также, какъ на іероглифическіе знаки райа, надобно смотрѣть, по увѣренію археологовъ, и на тѣ отдѣльныя вазы и на отдѣльныя хлѣбы, которые довольно часто встрѣчаются на надгробныхъ камняхъ первенствующихъ христіанъ.

Петръ Озерецкій.

ДОЛЖНОСТЬ ПСАЛОМЩИКА ВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ¹⁾.

Въ періодъ тяжелаго ига монгольскаго, продолжавшагося болѣе двухъ столѣтій, совершился великій переворотъ въ жизни русскаго народа. Русь, прежде раздробленная на множество удѣловъ и связываемая только единствомъ княжескаго рода и религіи, въ этотъ періодъ сгруппировалась около двухъ политическихъ центровъ-великаго княжества московскаго и великаго княжества литовскаго. Изъ обоихъ этихъ центровъ распространилось въ той и другой половинѣ Руси вновь выработавшееся

и своеобразное законодательство, которое мало по малу сглаживало древнія формы удѣльнаго и общиннаго правленія. Этотъ переворотъ неминуемо отразился и въ жизни церковной. Церковь русская, соотвѣтственно государственному раздѣленію, сосредоточивалась также около двухъ центровъ—около кафедръ митрополита московскаго и около кафедры митрополита литовскаго. Существенно-православнаго своего характера она чрезъ это не потеряла,—но такъ какъ жизнь государственная въ той и другой половинѣ, слѣдуя указаніямъ верховной власти, пошла своимъ собственнымъ путемъ; то вслѣдъ за тѣмъ не избѣжно должно было явиться различіе и въ жизни церковной.

Сѣверо-восточная русская церковь, находившаяся въ предѣлахъ московскаго государства, состояла подъ покровительствомъ православныхъ государей, которые не допускали никакого посягательства на церковь иновѣрной пропаганды, и потому пользовалась спокойствіемъ и благоденствовала. Въ это время и внутреннее управленіе ея приобрѣло полную самостоятельность. Съ половины XV столѣтія уже не было такой зависимости ея отъ константинопольскаго патріарха, какъ до того времени. Со времени митрополита Іоны русскіе іерархи избирались и поставлялись въ самой Россіи, и имѣли только братскій союзъ съ церковію константинопольскою. А тяжкія бѣдствія сей послѣдней, подпавшей подъ иго турецкое, прекратили постоянныя сношенія сѣверо-восточной русской церкви съ греческою. Теперь уже русскіе не ходили въ Константинополь или на Аѳонъ, какъ бывало прежде; перестали и греки такъ часто посѣщать Россію, какъ прежде, и изрѣдка только приходили за милостынею. Такимъ образомъ русская церковь замкнулась сама въ себѣ. Скуденъ былъ у нея запасъ средствъ, изъ которыхъ она могла бы самостоятельно развивать свои силы. Большая часть всего того, что унаслѣдовано было ею, въ первые

два вѣка христіанства въ Россіи послѣ св. Владиміра, отъ матери ея греческой церкви, какъ-то-библіотеки, училища, утратилось во время ига монгольскаго, и въ XIV и XV вѣкахъ русская церковь жила только тѣмъ, что удѣляла ей церковь греческая, при тѣсной связи и постоянныхъ сношеніяхъ. Не трудно понять, какова ея духовная жизнь должна быть съ того времени, когда она была предоставлена самой себѣ. Не упало высокое благочестіе ея служителей, но ихъ образованіе умственное стало далеко не таково, какимъ было въ предшествовавшія времена. Теперь трудно уже было наблюдать прежнюю разборчивость при поставленіи въ должности священно-служительскія; еще труднѣе было наблюдать эту разборчивость при опредѣленіи въ должности церковно-служительскія. Вотъ въ это-то время нашъ низшій церковный клиръ, постепенно унада и по своему образованію и по жизни, утратилъ свое и церковное, и образовательное, и общественное прежнее значеніе.

Довольно обратить вниманіе на отзывъ владыки новгородскаго Геннадія, жившаго въ концѣ XV вѣка, о низшемъ клирѣ его епархіи, чтобы имѣть понятіе объ упадкѣ этого клира въ церковномъ отношеніи. Геннадій говоритъ, что въ его епархіи *подъяки*, которые почти не различались отъ чтецовъ и пѣвцовъ, были ребята глупые, и на клиросахъ пѣли мужики озорные, и что такъ было во всей землѣ русской. »Во всей землѣ русской, продолжаетъ онъ, ведется беззаконіе: мужики озорные на клиросѣ поютъ, и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ, да еще и въ алтарь ходятъ«¹⁾. Въ семъ послѣднемъ отзывѣ архипастыря нельзя видѣть преувеличенія недостатковъ. Если такъ было въ новгородской епархіи, которая, какъ не потерпѣвшая опустошеній,

¹⁾ Церков. пѣніе въ Россіи. Свящ. Д. Разумовскаго. Отдѣлъ II, стр. 65.

во все время монгольского ига по образованію стояла выше другихъ епархій: то что было въ прочихъ сѣверно-русскихъ епархіяхъ? Изъ этого отзыва новгородскаго архипластыря прямо видно, что клиросъ и амвонъ открыты были для всего народа безъ разбора. Стало быть клирики, по знанію церковнаго устава и по искусству въ чтеніи и пѣніи, мало чѣмъ различались отъ простолюдиновъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ на соборѣ 1551 г. открыто изложилъ предъ сонмомъ русскихъ іерарховъ всѣ недостатки въ благочиніи церковнаго пѣнія. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о пѣніи нестройномъ, о чтеніи и пѣніи голоса въ два и въ три, и указалъ на причину сего нестроения, именно—на недостатокъ школъ для обученія церковному пѣнію и на недостатокъ въ опытныхъ пѣвцахъ, знавшихъ свое дѣло ¹⁾). Такой же отзывъ о пѣніи низшаго клира читать и пѣть встрѣчаемъ въ началѣ XVII столѣтія у патріарха Гермогена. »Повѣдаютъ намъ, писалъ онъ въ своемъ наказательномъ посланіи ко всѣмъ людямъ и наипаче къ духовенству, христіановѣ люди со слезами, а ниіи писаніе приносятъ и сказываютъ, что—де въ мірскихъ людяхъ, паче же въ священническомъ и иноческомъ чинѣ, вселися въ церковномъ пѣніи великое несправленіе. По преданію св. апостолъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ—де голоса въ два и въ три и въ четыре, а индѣ въ пять и въ шесть и то нашего христіанскаго закона чуже« ²⁾). А если и были между низшими клириками сколько нибудь знающіе свое дѣло, то, по своей крайней правдивости и нелицеприятности, исполняли его съ лѣнностію и нерадѣніемъ, оказывали пренебреженіе къ старшимъ и постоянно враждовали между собою. Въ 1572 г. 24 іюля новгородскій архієпископъ Леонидъ велѣлъ

¹⁾ Церков. пѣніе въ Россіи. Свщ. Д. Разумовскаго. Отдѣл. II, стр. 65. ²⁾ Тамъ же, стр. 74.

дьяковъ своихъ пѣвчихъ, Сергія дьяка съ товарищи, поставити на правежи, и велѣлъ на нихъ взяти съ головы по полтинѣ по московской за то, что дьяки не ходятъ къ началу къ церкви. »Да и межъ собою тые краснопѣвцы, пишеть инокъ Евфросинъ, укоряющесе другъ друга цюносятъ, себя кійждо величаетъ и хвалится глаголетъ: азъ есмь Шайдуровъ ученикъ, а инъ хвалится Лукошковымъ ученіемъ«. Объ ученикахъ головщика Логгина также говорится, что гдѣ ученики его ни сойдутся, тутъ и бранятся ¹⁾. Если уже при кафедральныхъ церквахъ допускались клириками такія грубыя неисправности и безпорядки, и даже во время архіерейскаго служенія; то что сказать о низшихъ церковнослужителяхъ при церквахъ приходскихъ и особенно сельскихъ?

Потеряли въ то время низшіе клирики и свое образовательное значеніе среди народа. Въ прежнее время при церквахъ были училища. Князья, при раздробленности Руси на самыя мелкіе удѣлы, слѣдуя примѣру мудраго Ярослава, давали духовенству *уроки* отъ имѣній своихъ для поддержки церковно-приходскихъ училищъ; и низшіе клирики въ этихъ училищахъ занимали важное мѣсто, если не были единственными учителями. Изъ этихъ училищъ ученики, при строгой разборчивости пастырей, вѣчно лучшіе, болѣе способные и подготовленные, поступали на церковныя должности, и въ послѣдующее время сами въ свою очередь заправляли училищами. Изъ этихъ же училищъ выходили *книжники, учительные людскіе повѣстники* ²⁾, или просто мастера, которые собирали къ себѣ дѣтей для обученія

¹⁾ Церков. пѣніе въ Россіи. Свящ. Д. Разумовскаго. Отдѣл. II, стр. 75. ²⁾ »Народн. Школа« журн. педагогич. за 1869 г. стат. »объ училищахъ и образованности на Руси до-Петровской«. № 6 стр. 89.

грамотѣ, и занимались этимъ дѣломъ какъ ремесломъ, получая условленную плату. Во время ига монгольскаго, при общемъ разореніи, приходскія училища пали. Затѣмъ, время отъ времени, съ распространеніемъ московскаго единодержавія, уничтожилась и удѣльная система. И уже некому было ближайшимъ образомъ заботиться о матеріальной поддержкѣ училищъ. Съ упадкомъ же образованія въ высшемъ духовенствѣ, вслѣдствіе прекращенія сношеній церкви русской съ церковію константинопольскою, утрачивалась и духовная поддержка этихъ училищъ, т. е. просвѣтительное и руководительное вліяніе архипастырей. Вслѣдствіе всего этого желающіе учиться грамотѣ, а также желающіе поступать на церковныя должности, учились гдѣ и какъ кто могъ. Хорошо, если вблизи была обитель монастырская, — учились въ ней, а то большею частію или у дьячковъ, или у *мастеровъ*. При такомъ порядкѣ уже низшіе клирики въ своемъ образовательномъ значеніи для народа стали на ряду съ мастерами, ничѣмъ не превосходя ихъ, а можетъ быть даже и уступаая имъ. Каково же было образованіе, получаемое у такихъ учителей? Его печальное состояніе въ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ новгородскій архипастырь Геннадій. »Вотъ, пишетъ онъ о кандидатахъ на священно-церковныя должности, приводитъ ко мнѣ мужика, я приказываю ему читать апостолъ, а онъ ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той едва бредеть. Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человека на землѣ, кого бы ставить во священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенью, а онъ и къ слову приступить не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить

се. А у меня духу недостаетъ ставить неучей во священники. Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже или и больше, за часы особо... А отойдетъ отъ мастера и ничего не умѣетъ, едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ»¹⁾. Здѣсь ясно видно, что въ тѣ несчастныя времена всѣ одинаково были невѣжественны, и священники, и причетники, и мастера, и нигдѣ нельзя было отыскать лучшихъ учителей. Само собою разумѣется, что такое умственное состояніе низшихъ клириковъ не давало имъ въ глазахъ народа никакого значенія.

Потерялось мало по малу и земское значеніе низшихъ клириковъ. Въ древнія времена русской церкви, когда въ русскомъ государствѣ государственная власть еще не выработала своего централизующаго законодательства, духовенству она предоставила большое участіе въ дѣлахъ мірскихъ и большія права. Въ то время, какъ мы уже замѣчали, лица духовныя были судьями народа по многимъ мірскимъ дѣламъ, а низшіе клирики были дѣлопроизводителями при этихъ судьяхъ, и вслѣдствіе этого высоко стояли въ глазахъ народа. Правда, самъ народъ тогда имѣлъ большое участіе въ выборѣ духовенства; но избравши онъ подчинялся лицамъ духовнымъ какъ главамъ, не только въ церковныхъ дѣлахъ, но и мірскихъ. Когда же въ объединявшемся московскомъ государствѣ выработалось новое законодательство, тогда стали распространяться повсемѣстно чиновники, какъ исполнители царскихъ указовъ. И тѣ мірскія дѣла, которыя были прежде въ вѣденіи лицъ духовныхъ, перешли въ вѣденіе государственныхъ чиновниковъ. Предъ временемъ Іоанна Грознаго мы видимъ уже повсемѣстно въ сѣверной по-

¹⁾ Истор. Рус. Церкви. Преосв. Филар. стр. 162.

ловинѣ Руси волостелей, праветчиковъ, доводчиковъ и безчисленное множество приказныхъ людей разныхъ наименованій. Такимъ образомъ духовныя лица перестали быть судьями народа въ мірскихъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно низшіе клирики перестали быть дѣлопроизводителями по этимъ дѣламъ. Если и случалось иногда, что, за немѣніемъ лицъ грамотныхъ, низшіе клирики занимали въ селахъ должности писарей; то уже занимали эти должности въ строгой зависимости отъ свѣтскихъ властей, а не отъ священниковъ; и слѣдовательно были безответными, наемными слугами, такъ что во всякое время могли быть удалены отъ этой должности.

Но тогда, какъ рушилось вліяніе духовенства на мірскія дѣла, прежнее участіе народа въ избраніи лицъ духовныхъ оставалось во всей силѣ. Вслѣдствіе этого, вмѣсто того, чтобы быть главными лицами въ приходѣ, какъ было прежде, лица духовныя незамѣтнымъ образомъ стали въ подчиненіи у прихожанъ. Тѣмъ болѣе, что съ утратою мірскаго значенія въ общинѣ, потерявъ былъ источникъ дохода отъ судебныхъ пошлинъ. И духовенство должно было довольствоваться добровольными пожертвованіями и надѣломъ земли отъ прихожанъ, по милости и расположенію ихъ. При самомъ поступленіи въ духовныя должности избираемые обыкновенно дѣлали договоры съ прихожанами, касательно содержанія своего и самыхъ обязанностей своихъ и отношеній къ прихожанамъ, при чемъ прихожане предписывали имъ законы, какіе имъ было угодно. До нашего времени сохранился съ конца XVII вѣка одинъ договоръ или *порядная* пономаря Архипа Пименова сына втораго съ приходскими людьми Никольской слободы Сторожевскаго монастыря, гдѣ написано: »и ему Архипу, будучи у тое церкви Николая чудотворца въ пономарѣхъ, о церковномъ о всемъ радѣть и смотрѣть накрѣпко, и книгъ беречь, и малымъ

ребятамъ, въ кои дни доведется, по книгамъ, говорить, и ему Архину надъ ними смотрѣть и приказывать набрѣно, чтобы они, говоря по книгамъ, книгъ берегли и не драли и воскомъ словъ не закапывали, и по домамъ изъ церкви книгъ безъ спросу и безъ вѣдома никто не бралъ, а ему Архину къ себѣ въ домъ для наученія своихъ дѣтей церковныхъ книгъ не имать; и священника Григорья ему Архину во всемъ слушать и почитать, а о ключахъ церковныхъ каѣъ онъ Григорій изволить; да ему же Архину на колокольный колоколовъ смотрѣть и беречь и малымъ ребятамъ безчинно звонить не давать, а въ праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія, когда отойдутъ отъ церкви Божія со кресты, и ему Архину колокольную заперать, и для запору замокъ купить на мірскія сборныя деньги, и тотъ ключъ держать ему Архину у себя; а жить ему Архину у тое церкви у Николая чудотворца въ пономарѣхъ смиренно, не пить и не бражничать, и ни за какимъ дурнымъ не ходить и не промыслять; а въ Господскіе праздники и на государскіе ангелы и въ воскресные дни на промѣнъ свѣчи держать ему Архину для своего прокормленія.... въ томъ ему Архину сей приговоръ данъ¹⁾. Пономарь же съ своей стороны далъ живуую запись съ поруками. При этихъ договорахъ община усвоила себѣ право выгонять изъ своего прихода духовныхъ лицъ; она дѣлала это даже съ священниками. Тѣмъ болѣе она могла это дѣлать съ причетниками. При такомъ самовластіи прихожанъ весьма легко могли быть злоупотребленія, и они бывали. Такъ, митрополитъ Маркелль писалъ въ своей челобитиѣ царямъ Петру и Иоанну: старосты псковскіе посадскіе люди корчемствуютъ церквамъ, на всякій годъ стовариваются на дешевую ругу, кто меньше руги возьметъ, хотя которые поны пьяницы и

¹⁾ Правосл. Обзорѣніе. 1866. Октябрь, стр. 137.

безчинники, тѣхъ и приймають, а добрымъ священникамъ отказываютъ, и тѣми излишними доходами сами корыстуются, и у пьяныхъ поповъ.... многожды церкви стоятъ пусты безъ пѣнія, — кромѣ того священники бѣдные и причетники у нихъ церковныхъ старость вмѣсто рабовъ, и говорить противъ нихъ ничего не смѣють» ¹⁾. Сохранившіяся *порядныя* свидѣтельствуютъ, что бывали нерѣдко случаи, когда духовныя лица изгоняемы были изъ прихода безъ вины ²⁾. Такая зависимость отъ прихожанъ вообще была унижительною для всего духовенства, но особенно это униженіе всею тяжестью падало на причетниковъ, такъ какъ они большею частію нанимаемы были на срокъ, послѣ чего, если они не успѣвали пріобрѣсть расположеніе прихожанъ, должны были возвращаться въ первобытное состояніе. Такъ напр. въ 1634 году Иванъ Никитинъ сынъ Губарихинъ, тихвинскій посадскій человекъ, порядилъ сына своего Проконія въ дьячки «довождъ онъ возмужаетъ», послѣ чего Проконій снова долженъ былъ воротиться на посадь и тянуть тягло съ посадскими людьми ³⁾. Легко себѣ представить, на какія унижительныя мѣры, при такой зависимости отъ прихожанъ, должны были рѣшаться низшіе клирики, чтобы пріобрѣсть расположеніе прихожанъ и тѣмъ обезпечить свое состояніе. Высшіе пастыри старались ограничить эту зависимость и требовали, чтобы удаленіе отъ прихода не происходило безъ вѣдома и согласія архіерейскаго, и чтобы въ самыя *порядныя* вносило это правило. Дѣйствительно въ концѣ *порядной* иногда такъ и писалось: «а буде я (т. е. попъ) противъ сей записи въ чемъ нибудь неустою, и имъ прихожанамъ, съ доклада архіерею, мнѣ

¹⁾ Правосл. Обзор. 1866 г. Октябрь. Стат. «Приход. духовенство на Руси», стр. 140. ²⁾ Тамъ же, стр. 139. ³⁾ Правосл. Обзор. 1866. Октябрь. Ст. «Приходское духовенство на Руси», стр. 138.

отъ церкви и отъ церковнаго мѣста отказать» ¹⁾). Но возстановленіе власти архіерея надъ приходскимъ духовенствомъ не ограждало сего послѣдняго отъ униженія, даже иногда усиливало оное. Одинъ изъ важныхъ недостатковъ епархіальнаго управленія того времени былъ тотъ, что при каедряхъ архіерейскихъ развивалось чиновничество подобное свѣтскому, и должности относительно надзора за духовенствомъ и исполненія распоряженій архіерейскихъ ввѣрялись чужимъ людямъ—свѣтскимъ. Еще съ начала XIII столѣтія мы видимъ уже при митрополитахъ бояръ, а съ XV вѣка они появляются во всѣхъ епархіяхъ ²⁾. Они жили при архіереяхъ и завѣдывали дѣлами центрального суда и управленія въ епархіяхъ. Кромѣ ихъ, по разнымъ мѣстамъ въ епархіи были еще низшіе приказные чиновники: десятильники, приставы, недѣльщики, праветчики и др. Не смотря на прямыя постановленія каноновъ не судить мірянамъ духовный чинъ въ духовныхъ дѣлахъ, архіерейскій судъ производился чрезъ свѣтскихъ бояръ, безъ разлчія во всѣхъ дѣлахъ. Люди свѣтскіе не считали своею обязанностію заботиться объ интересахъ Церкви и, при тогдашней неразвитости и испорченности нравовъ, на свою должность смотрѣли какъ на доходную статью—и при всякомъ случаѣ не щадили духовенства. Множество жалобъ на притѣсненія этихъ чиновниковъ и почти всеобщій ропотъ духовенства свидѣтельствуютъ, какъ тяжело было имъ этого чиновничества ³⁾. Случалось иногда, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 139. ²⁾ Акты экзеднц. 1, № 85, 225. Акт. историч. 1, 200. ³⁾ Еще на соборѣ 1503 года извѣстный ростовскій священникъ Георгій Скрипица обвинялъ епископовъ: «Господа священноначальницы, неблагословно надсматриваете за вѣрными людьми... Назираете церковь по царскому сану земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльчиками, подводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому» (Чтен. Общ. Истор. за 1847 г.).

даже народъ вступался за духовныхъ лицъ, притѣняемыхъ этими чиновниками, и дѣло доходило до того, что народъ билъ притѣснителей въ *улогъ* и *до уварья* ¹⁾. Если уже безотвѣтны были предъ этими чиновниками священники, то что сказать о низшихъ клирикахъ?

Въ исторіи русской церкви мы постоянно встрѣчаемъ свидѣтельства о томъ, что русскому духовенству государственная власть давала большія привилегіи: оно освобождено было отъ податей и всякихъ повинностей государственныхъ, оно могло принимать имѣнія по завѣщаніямъ, и владѣть населенными землями; обида, наносимая лицамъ духовнымъ, судилась какъ важное гражданское преступленіе. Эти привилегіи за русскимъ духовенствомъ утверждали и ханы татарскіе своими ярлыками. Законы объ этомъ, по освобожденіи отъ ига монгольскаго, вносились въ кодексъ гражданскихъ постановленій. Но всѣми этими привилегіями пользовались монашествующіе и духовенство кафедральное, которое тоже почти все, если не исключительно, состояло тогда изъ монаховъ. Въ этомъ духовенствѣ и низшіе клирики пользовались почетомъ; монахъ, кто бы онъ ни былъ, священникъ, діаконъ или простой клирошанинъ, пользовался всегда и вездѣ усвоенными закономъ правами. Но бѣлое духовенство, съ того времени какъ закрыто было развившимся монашествомъ, и незамѣтно стало въ зависимость отъ народа, не пользовалось этими привилегіями. Оно незамѣтнымъ образомъ втянуто было въ общую народную земскую жизнь. И хотя не могло забыть своихъ древнихъ правъ, освобождавшихъ его отъ всякихъ государственныхъ повинностей, но не имѣло силъ противодѣйствовать громкому требованію народа наравнѣ съ нимъ нести эти повинности. Какъ настойчивы бывали эти требованія, это показываетъ

¹⁾ Арт. историч. I, № 50.

слѣдующій фактъ. Въ 1495 году, во время войны съ нѣмцами, псковичи, набравъ войско по человѣку съ 10 сохъ, хотѣли, чтобы въ военной повинности участвовало и духовенство. Последнее ссылалось на помокапонъ и доказывало, что съ церковной земли нельзя набирать воевъ. Посадники и все вѣче »учали сильно дѣяти надъ священники и дазили многожды на сѣни и на вѣчи, и опять въ вѣче влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ избезчестовати, Ивана священника Рождественскаго и Андрея, и въ однихъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и дьяковъ изсоромитина« ¹⁾. На ряду съ земствомъ духовенство несло повинность городского дѣла, или строенья ²⁾. Это было не въ одной псковской странѣ или новгородской, гдѣ народное вѣче имѣло большую силу, но и во всемъ московскомъ государствѣ. Получая земли отъ общинъ, духовенство большею частію жило на черной землѣ, обложенной всѣми податями и повинностями и подпадало общему мірскимъ разметамъ и разрубамъ, по которымъ шли платежи и неслись повинности членовъ міра. При этомъ низшіе клирики, какъ большею частію служившіе по найму, и совершенно не выходили изъ класса тяглыхъ людей. Если припомнить, что, кромѣ повинностей земскихъ, на духовенствѣ лежало еще множество разнообразныхъ пошанъ и сборовъ въ пользу духовенства начальствующаго; если припомнить еще, что сборъ этихъ разнообразныхъ пошлинъ былъ поручаемъ людямъ свѣтскимъ, съ которыми дѣлили епископы свою власть епархіальную и доходы, то легко будетъ понять, что и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не сильна была зависимость отъ земства, положеніе вообще приходскаго духовенства ничѣмъ было не лучше положенія податнаго состоянія.

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. т. IV, стр. 269. ²⁾ Тамъ же, стр. 269 и 270.

Видѣла соборная власть все зло, происходившее отъ подчиненія духовенства прихожанамъ, и отъ притѣсненій его свѣтскими чиновниками архіерейскими, и старалась оградить его отъ тѣхъ и другихъ. Стоглавый соборъ употребилъ для этого такую мѣру. Онъ постановилъ, чтобы приходы раздѣлены были на сотни, и чтобы каждая сотня избирала изъ среды своей старосту поповскаго, а онъ обязанъ былъ избирать себѣ десятскихъ священниковъ. Эти-то лица-старосты съ десятскими должны были, по распоряженію собора, составлять ближайшее начальство надъ приходскими причтами. Они должны были имѣть надзоръ за поведеніемъ подвѣдомаго имъ духовенства, за соблюденіемъ всякаго церковнаго благочинія и чрезъ то устранять вмѣшательство прихожанъ въ это дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были замѣнить собою и приказныхъ архіерейскихъ людей, которые до того времени занимались сборомъ святительской дани и пошлинъ, и производствомъ слѣдствія и суда надъ церковными причтами. Даже въ такихъ случаяхъ, когда духовныя лица подлежали суду гражданскому по своимъ преступленіямъ, постановлено было, чтобы слѣдствіе и судъ производились въ присутствіи десятскихъ священниковъ. Сверхъ всего этого—все рѣшенія суда представлялись на разсмотрѣніе архіерею, который обязывался допрашивать подсудимыхъ—«таковъ ли имъ судъ былъ», и объявлять окончательное рѣшеніе. Притомъ, чтобы возвысить духовенство надъ податнымъ сословіемъ, церковная власть старалась выдѣлить его изъ среды земства и для этого выпрашивала у правительства жалованья и несудимыя грамоты ¹⁾, по которымъ земля, выдѣляемая духовенству, становилась собственностію церковною.

Но мѣры церковной власти, которыми духовенство

¹⁾ Правосл. Обзоріе. 1866 г. Октябрь, стр. 147.

ставилось въ независимое положеніе отъ прихода и выдѣлялось какъ особенное сословіе, могли только ограждать его отъ неурядицъ, но не ставили его высоко въ глазахъ народа, напротивъ сословное выдѣленіе породило нерасположеніе прихожанъ къ духовенству, какъ къ сословію замкнутому въ себѣ и чуждому народа. Мало по малу составлялся взглядъ на лица духовныхъ, какъ на классъ людей своекорыстныхъ, которые заботятся только о прокормленіи себя и ничего не дѣлаютъ. И община отшатнулась отъ духовенства, перестала думать о его обезпеченіи, оставивъ его на жертву горькой доли; и первѣе всего это обрушилось на низшихъ клириковъ, которыхъ народъ привыкъ считать не только равными, но и во всемъ подвластными себѣ.

Со временъ реформы Петра Великаго приняты были многія мѣры къ возвышенію духовенства: заведены были училища для лицъ духовныхъ, введено было въ обязанность архіереямъ ставить на священныя должности только окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ, предоставлены были большія права духовенству. Но это не только не подняло значенія низшихъ клириковъ, даже способствовало большому приниженію ихъ: проявилась рѣзкая разница между священнослужителями и церковнослужителями; ибо въ священнослужители опредѣляемы были люди окончившіе курсъ въ училищахъ, а мѣста церковнослужительскія наполнялись или совсѣмъ необучавшимися въ этихъ училищахъ, или же лицами изгнанными изъ нихъ. Равнымъ образомъ и важнѣйшія изъ гражданскихъ правъ, дарованныхъ духовенству, принадлежали также только священнослужителямъ. Церковнослужители не были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, да и увольненіе отъ податей и рекрутской повинности имъ принадлежало не безусловно: не состоящіе въ дѣйствительной службѣ должны были нести то и другое.

А при такой рѣзкой разницѣ между священнослужителями и церковнослужителями, послѣдніе стали въ рабское отношеніе къ первымъ, которое тѣмъ болѣе усилилось, что, по неоднократнымъ распоряженіямъ правительства, назначались наборы въ военную службу всѣхъ церковниковъ, не состоящихъ въ дѣйствительной службѣ. При такомъ униженномъ и рабѣльномъ состояніи и при крайней бѣдности еще болѣе къ униженію низшихъ клириковъ послужило то, что и народъ въ большинствѣ, при распространеніи образованія, ушелъ далеко впередъ. И тѣ изъ народа, которые сознавали превосходство своего образованія предъ дьячками, не замедлили напасть на нихъ съ безошадною критикою. Все въ нихъ: каждый шагъ, каждая манера, подверглось пересудамъ. Ихъ видное положеніе во храмѣ, которое въ прежнія времена привлекало къ нимъ почетъ народный, теперь сдѣлало ихъ только беззащитными отъ насмѣшливыхъ взоровъ и презрительныхъ улыбокъ публики. А бѣдность и невѣжество съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ—правдивою испорченностію окончательно принизили ихъ, тѣмъ болѣе, что они, зная свое безвыходное положеніе, при которомъ имъ рѣшительно было невозможно надѣяться на полученіе діаконскаго, а тѣмъ болѣе іерейскаго сана, перестали и думать о своемъ усовершенствованіи. Такое униженіе дошло до того, что для учениковъ семинаріи, которымъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, не удавалось окончить курсъ наукъ семинарскихъ, поступленіе въ эту должность, иѣкогда почетную, стало казаться самою печальною и безградною долею.

Къ такому же печальному положенію жизни гражданская и церковная привели причетниковъ и на югѣ Россіи, только другими путями. Извѣстно, что съ начала ига монгольскаго южная часть Россіи начала тяготѣть къ Литвѣ и скоро съ нею соединилась въ одно княжество, которое

потомъ, по обстоятельствамъ политическимъ, примкнуло къ Польшѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ политическаго отчужденія отъ сѣвера было образованіе отдѣльной южно-русской митрополіи, соотвѣтственно чему жизнь церковная здѣсь пошла своимъ путемъ. Вначалѣ много было обстоятельствъ, которые поддерживали прежнее значеніе клириковъ и ихъ положеніе дѣлали болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе сѣверно-русскихъ клириковъ, но крайней мѣрѣ спасали ихъ отъ тѣхъ униженій, которыя, съ конца XV столѣтія, стали тяготѣть надъ сѣверно-русскимъ духовенствомъ. Правда и здѣсь потерялось прежнее вліяніе ихъ на дѣла мірскія, вслѣдствіе распространившейся администраціи литовской, а потомъ польской. Но за то, здѣсь они долго не теряли своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ народомъ. Отдѣлившаяся южно-русская митрополія была въ самомъ тѣсномъ союзѣ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ церковію константинопольскою. По близости къ Константинополю и особенной заботливости константинопольскаго патріарха о южно-русской церкви послѣдняя часто была посѣщаемъ патріаршими просвѣщенными посланниками, которые проживали здѣсь долго и выкапывали въ положеніе клира и старались поддерживать въ немъ образованіе. А кромѣ того особенныя обстоятельства южно-русской церкви, именно-ея постоянная опасность со стороны западной пропаганды, усердно поддерживаемой князьями литовскими и королями польскими, побуждали ее принимать самыя энергическія мѣры къ образованію всего вообще духовенства. Еще прежде, чѣмъ появилась унія, въ южно-русскихъ епархіяхъ распространены были первоклассныя училища, гдѣ приготовлялись молодые люди къ должностямъ церковнымъ. Ранѣе, чѣмъ въ сѣверной Россіи, введенное здѣсь книгопечатаніе распространило учебныя пособія къ образованію въ этихъ училищахъ. Съ появленіемъ же унии ревность къ распространенію духовнаго

образованія въ южно-русской церкви еще усилилась. Каждый архипастырь поставлялъ непремѣннымъ своимъ долгомъ заводить училища въ своей паствѣ, и тѣмъ славнѣе былъ архипастырь, чѣмъ болѣе онъ успѣвалъ завести училищъ. Вельможи и люди богатые съ своей стороны содѣйствовали своими пожертвованіями развитію этихъ училищъ. Кромѣ того, со всеѣмъ усердіемъ взялись за это дѣло возникшія въ разныхъ мѣстахъ южно-русской церкви православныя братства для противодѣйствія распространявшейся уніи. Открытыя этими братствами училища, состоявшія изъ нѣсколькихъ классовъ, значительно подняли образованіе духовенства. Можно думать, что братства прилагали особенное стараніе къ образованію причетниковъ, такъ какъ однимъ изъ главныхъ предметовъ въ братскихъ школахъ было церковное пѣніе, и изученіе его начиналось съ самыхъ низшихъ классовъ, и совершалось систематически по учебникамъ и на нотахъ линейныхъ. Что дѣйствительно въ южной Россіи были образованные пѣвцы, объ этомъ уже то свидѣтельствуешь, что, когда пастырями сѣверно-русской церкви была признана необходимость заведенія пѣвческихъ школъ, вызываемы были изъ южной Россіи люди способные къ этому дѣлу. Есть положительныя свидѣтельства о томъ, что кромѣ знаменитыхъ южно-русскихъ училищъ, заведенныхъ православными братствами, на югѣ Россіи были частныя, домашнія приходскія школы. Около 1700 года, въ предѣлахъ нынѣшней харьковской, прежней слободско-украинской, епархіи почти каждый членъ причта въ значительныхъ мѣстечкахъ имѣлъ свою школу и обучалъ въ ней между прочимъ церковному пѣнію. Остались для насъ и имена нѣкоторыхъ дьячковъ, обучавшихъ церковному пѣнію. То были въ слободѣ старой Водолагѣ: дьячекъ Павелъ Криницкій, — Николаевской, въ Семеренькахъ, церкви — дьячекъ Иванъ Алексѣевъ, — Успенской Колонтаевской церкви — дьячекъ

Григорій, - Вознесенской, въ селѣ Тростенцѣ, церкви-дьячекъ Петръ, бывшій потомъ священникомъ, - Благовѣщенской, въ селѣ Кровномъ, церкви-дьячекъ Василій ¹⁾. Такимъ образомъ причетники южно-русскіе далеко не были такими невѣждами, какъ на сѣверѣ, а были люди хорошо понимающіе свое дѣло. Само собою разумѣется, что это давало имъ значеніе въ глазахъ народа. Продолжали они здѣсь по прежнему вліять и на образованіе народное. Доколѣ не открыты были высшія школы, они были, вмѣстѣ съ священниками и діаконами, главными наставниками въ народныхъ школахъ, а по открытіи братскихъ училищъ они не могли утратить своего наставническаго значенія по той причинѣ, что въ народѣ, который видѣлъ вблизи опасность для своего православія, было сильное желаніе учиться, чтобы противостоять ненавистой униі.

Но развившіяся высшія школы между множествомъ училищъ, открытыхъ въ южно-русскомъ краѣ православными братствами, незамѣтнымъ образомъ положили начало униженію низшихъ клириковъ. Извѣстно, что въ эти школы поступали преимущественно дѣти дворянъ, такъ какъ это сословіе болѣе, чѣмъ народъ, чувствовало нужду въ образованіи, какъ главномъ оружіи противъ образованнаго католическаго духовенства. Воспитанникамъ этихъ школъ архимонастыри стали преимущественно, и даже исключительно, предоставлять священническія мѣста; между тѣмъ какъ причетническія должности занимаемы были людьми, получившими только первоначальное образованіе въ приходскихъ школахъ и происходившими изъ среды народа. Такимъ образомъ на югѣ Россіи ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ открылась рѣзкая разница между священниками и причетниками и по образованію и по происхожденію. И польскіе магнаты, въ

¹⁾ Церков. пѣніе въ Россіи. Свящ. Д. Разумовскаго, стр. 87.

рукахъ которыхъ была южно-русская администрація, воздерживались отъ грубаго обращенія съ священниками, имѣя въ виду ихъ шляхетское происхожденіе; но презрительно относились къ причетникамъ какъ къ холопамъ,—каковымъ именемъ обзывали они весь простой православный русскій народъ. Да и сами священники, сознавая свое происхожденіе и образованіе, мало по малу усвоили презрительный взглядъ на причетниковъ. Этому значительно способствовало сближеніе православныхъ священниковъ съ католическимъ духовенствомъ. Хотя православное и католическое духовенство, въ религіозныхъ отношеніяхъ, представляли два враждебныхъ лагеря; но духовенство католическое, какъ болѣе цивилизованное и имѣвшее важное значеніе въ государствѣ, незамѣтнымъ образомъ повліяло на духовенство православное, и вызвало въ немъ подражаніе своимъ обычаямъ—въ общественомъ быту. Между прочимъ духовенство православное переняло у него и отношенія къ причетникамъ. Извѣстно, что въ католической церкви ксендзъ есть полный господинъ и глава прихода,—причетники же имѣютъ значеніе только какъ его прислужники въ храмѣ; онъ смотритъ на нихъ какъ на своихъ слугъ. Точно такъ и южно-русскіе православные священники стали смотрѣть на своихъ причетниковъ. А рѣзкое различіе въ средствахъ содержанія еще болѣе способствовало униженію причетника въ глазахъ священника. Обыкновенно всѣ пожертвованія вельможъ—благотворителей церковей шли въ пользу однихъ священниковъ; и доселѣ, какъ мы знаемъ, въ юго-западной Россіи приписными землями владѣютъ одни священники, предоставляя причетникамъ пользоваться только узаконенной пропорціей церковной земли. Вслѣдствіе этихъ историческихъ обстоятельствъ утвердилось на югѣ и западѣ Россіи своеобразное отношеніе между священниками и низшими клириками, продолжающееся и доселѣ, когда давно уже кончилась борьба

съ униєю и южно-русское духовенство, вмѣстѣ съ сѣверно-рускимъ, стало подѣ власть единого русскаго церковнаго правительства. Здѣсь и въ настоящее время причетники также стоятъ въ большемъ отдаленіи отъ священниковъ. Кромѣ большой разницы въ образованіи, здѣсь сохранился во всей силѣ прежній взглядъ на причетниковъ, какъ на народъ черный и безусловно подчиненный священнику. По этому положенію причетниковъ въ юго-западной Россіи гораздо болѣе унижено и печально, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи. Во внутренней Россіи и въ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ еще перѣдки случаи, что дѣти священника не окончившіе курсъ поступаютъ въ причетники, а здѣсь же, т. е. въ юго-западныхъ краяхъ Россіи, это составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Равнымъ образомъ, тамъ дѣти причетниковъ почти наравнѣ съ священническими и діаконскими достигаютъ высшаго образованія и бываютъ священниками, — а здѣсь это бываетъ рѣдкостію. Здѣсь причетники такъ принижены и сжались съ своею печальною долею, что потеряли надежду и въ дѣтяхъ своихъ видѣтъ исходъ изъ этого печальнаго положенія — и часто даже не считаютъ нужнымъ отдавать ихъ въ училище, или по крайней мѣрѣ вести ихъ дальше училища.

(Окончаніе будетъ).

СТАРЫЕ ОБЫЧАИ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ¹⁾.

Человѣческому себѣлюбію и естественному чувству отчужденія Церковь противопоставляетъ безграничную общительность. Наклонности человѣка ограничивать свою мысль узкими предѣлами опыта и видимаго наблюденія Церковь открываетъ горизонты, болѣе достойныя его и болѣе достойныя его Создателя —

¹⁾ См. № 49 — й.

великое царство истины, о которой повѣдаютъ законы природы, которую чтятъ лучшія силы его духа. На наклонность человека къ усиленію въ нѣдрахъ своей индивидуальности, къ ограниченію своего труда нуждами и потребностями, лично его касающимся, Церковь напоминаетъ ему, что онъ сила, призванная возвращать дарованія духа, приумножать таланты на таланты, и зоветъ его къ дѣятельности любви, которая, какъ огонь пламенѣющій, должна и его самого очищать и возвышать, и въ окружающемъ обществѣ облегчать отложеніе всего злаго въ пользу добра. На человеческую наклонность ограничивать самое служеніе Богу внѣшностью и обрядомъ Церковь отвѣчаетъ проповѣдью о болѣе широкомъ пониманіи союза съ Богомъ чрезъ любовь къ человечеству: о терпѣніи, прощеніи, мирѣ, судѣ, правдѣ, милости, взаимности... Съ такимъ характеромъ общечеловѣческой силы—сливающей, объединяющей, расширяющей жизненные круги человѣческой дѣятельности, Церковь проводитъ человека чрезъ все его земное поприще, собирая вокругъ него весь родъ въ самыя великія минуты его жизни и его привлекая къ участию въ духовной жизни рода и молитвою, и дѣломъ общенія. Даже когда человекъ, этотъ временный жилецъ земли, покинетъ общество живыхъ, и родъ лишится въ немъ силы, для него служебной, и, по видимому, у хладнаго трупа порвутся всѣ связи съ нимъ, — и тогда Церковь собираетъ его братьевъ по человечеству «дать послѣднее цѣлованіе усопшему брату» и заповѣдуетъ сохранить о немъ вѣчную память и поддерживать съ нимъ вѣчную связь въ духѣ упованія и молитвы. Этимъ объединяющимъ вліяніемъ Церкви должно объяснить обычай, въ силу котораго домъ усопшаго открывается всѣмъ стороннимъ посѣтителямъ, которыхъ подвигаетъ любовь придти къ его гробу и почтить его послѣднимъ поклономъ... Если родъ, опечаленный потерю своего члена, соединяется, чтобы

оплакаты его и облегчить своимъ участіемъ горе его близкихъ родныхъ, и Церковь является и руководительницею, и истолковательницею его печали, и притомъ предпочтительно въ св. храмѣ; то, понятно, отчего Церковь же является во главѣ рода, празднующаго счастье и радость своихъ юныхъ членовъ,—отчего она привлекаетъ въ св. храмъ это веселіе и радость. Казалось бы, священнодѣйствіе вѣнчанья могло бы быть совершенно и въ домѣ, а не во св. храмѣ; казалось бы, Духъ Божій благословляющій, который »идѣже хочетъ дышетъ«, независимо отъ мѣста, осѣнилъ бы юную чету. Но, не говоря уже о догматическомъ основаніи для совершенія таинства брака въ св. храмѣ—о таинственномъ соотношеніи тайны брака къ божественному союзу Христа съ Церковью, на которое указываетъ, возвышая идею брака въ представленіи первыхъ христіанъ, св. Апостолъ,—тогда въ молитвахъ Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ радости и торжествѣ жениха и невесты, участвовали бы только отдѣльныя единицы рода, сколько бы ихъ ни помѣстилось въ домѣ, и та живая связь, которая соединяетъ старый родъ съ новымъ, готовымъ возникнуть и образоваться, была бы порвана—не тѣлесно, но духовно, въ слѣдствіе разобщенія и раздѣленія. И тамъ, гдѣ христіанскія общества усвоили себѣ субъективное отношеніе къ вѣрѣ, а слѣдов., и къ цѣлямъ бытія, гдѣ христіанство поддавалось взглядамъ, въ которыхъ замѣтно выразилась естественная человѣческая обособленность,—тамъ вѣнчанье, дѣйствительно, можетъ совершаться и въ домѣ, какъ это бывало въ протестантскихъ церковныхъ обществахъ—тамъ Церковь, можно сказать, на послугахъ отдѣльному бытію, а не во главѣ общечеловѣческаго единенія любви и участія. Православная Церковь, напротивъ, донынѣ пребыла вѣрно своему божественному призванію всѣхъ объединять въ чувствахъ любви, всѣхъ воспитывать въ готовности общенія, всѣхъ выводить изъ

среды индивидуальности въ великій міръ общечеловѣческихъ стремленій. И оттого не домъ, а св. храмъ, открытый и назначенный для общенія не отдѣльныхъ единицъ рода, а всего рода, гдѣ родъ и »роди вси« служатъ Единому общему Отцу жизни, гдѣ слагаются отдѣльныя личности въ единое тѣло Церкви чрезъ участіе въ священныхъ таинствахъ вѣры,—есть единственно подобающее мѣсто для священнодѣйствія вѣчанья, чрезъ которое освящается и сліяніе цѣлыхъ родовъ въ одну великую человѣческую семью. Уклоняться отъ такого общенія съ родомъ въ св. храмѣ Божиѣмъ, осуждать и порицать его—значить рѣшительно заявлять, что ни родъ, ни Церковь, его собирающая, не должны надѣяться имѣть въ новомъ родѣ сороботниковъ и соучастниковъ въ томъ трудѣ жизни и развитія человѣчества, который предлежитъ и Церкви и роду въ совершеніи ими ихъ высокаго жизненнаго призванія.

Пожалуй, въ оправданіе своего нерасположенія къ торжественному вѣчанью въ храмѣ могутъ приводить тѣ безпорядки, которыми народная толпа иногда сопровождаетъ и возмущаетъ вѣчанье. Явленіе самое безотрадное—этотъ собравшійся въ храмѣ будто-бы родъ—не для торжества и радости, не для участія въ общей молитвѣ о новой четѣ, а для кощунства надъ священными дѣйствіями и для смущенія тѣхъ, чей покой душевный, чью свѣтлую и радующуюся улыбку, казалось бы, родъ долженъ бы благоговѣнно цѣнить въ тѣ минуты болѣе всего. Тутъ сказывается въ грубыхъ народныхъ массахъ—впрочемъ, исключительно городовъ—тоже самое непониманіе священныхъ установленій Церкви и освященныхъ ею обычаевъ, какое замѣчается и въ болѣе образованныхъ массахъ, когда дѣло коснется отношенія ихъ личныхъ воззрѣній къ преданнымъ стариною обычаямъ. Но это безчиніе грубой и невѣжественной толпы, грубыхъ отдѣльныхъ лицъ, а не рода, не должно бы слу-

жить къ омраченію душевной радости христіанской четы и къ ослабленію ея молитвеннаго общенія съ Церковью. При такой смущающей обстановкѣ она является здѣсь, на первомъ же шагу своей жизни для рода, *исповѣдницею* чистоты сердечной и взаимной любви, въ основаніе которой положены чистыя начала христіанскаго общенія и пріязни. Она въ тѣ минуты именно исповѣдница предъ родомъ, благодарная Богу за благодѣянія юности и христіанскаго воспитанія,—и это исповѣданіе—слава и честь рода и въ то же время священная обязанность христіанъ! Для внутренняго ся взора и эта неурядица и смятеніе есть олицетвореніе тѣхъ непріязненныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ живомъ организмѣ рода къ его гибели, подкапывая и подѣдая основы истинной родовой жизни,—тѣхъ непріязненныхъ враждебныхъ силъ, съ которыми ей предстоитъ бороться, спасая духовную цѣлость рода и всю его будущую правсестенно-духовную жизнь. Въ благочестивой четѣ все это безпорядочное сборище зла возбудить еще большую рѣшимость идти путемъ чистоты и добра, еще большую энергію всю жизнь свою обратить на борьбу съ этими врагами рода и ихъ будущаго поколѣнія, и еще усерднѣйшая молитва къ Богу соединить ихъ души въ этой святой рѣшимости. А молитвы Церкви и ея священные желанія обратятъ ихъ мысль и чувства отъ этой мятущейся толпы, зѣвающей и глазѣющей, къ великимъ цѣлямъ и задачамъ жизни. имъ предстоящей.

Но и эти священные молитвы Церкви въ минуты священнодѣйствія вѣнчанья только усиливаютъ раздраженіе новыхъ людей противъ Церкви. Самые молитвы эти предметъ порицанія и осужденія Церкви ихъ приговоромъ; они готовы слышать въ молитвенныхъ обращеніяхъ Церкви чуть не тоже неуваженіе къ своей стыдливости, которое иногда обнаруживается нескромною глазѣющею толпою. Что же это та-

кое?... Церковь, священная глава родовъ, въ предстояніи и въ эти торжественныя минуты всего рода, покрывая своею горячею любовью новую чету, молить Господа о томъ, что есть благо и жизнь рода,—молить »ниспослатися имъ любви совершеннѣй, мирнѣй, и помощи, сохранитися имъ въ единомысліи и твердой вѣрѣ, благословитися имъ въ непорочномъ жителствѣ, податися имъ чадомъ въ пріятіе рода«. Церковь молить Господа утвердить новосочетавающихся »святымъ единеніемъ, которымъ сочетаетсяъ мужу жена въ помощь и воспріятіе рода«. Это святая истина Богомъ установленнаго союза мужа и жены. Вѣрная хранительница заветовъ Божіихъ человечеству, Церковь твердо и нерушимо стоитъ въ этой истинѣ, твердо и рѣшительно въ бракосочетаніи признаетъ только и единственно одно высокое значеніе—свободное »по благому и непринужденному произволенію« исполненіе божественнаго закона продолженія и сохраненія чрезъ него дальнѣйшаго существованія человеческого рода, въ которомъ она своимъ божественнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ развиваетъ духовное сѣмя вѣчной жизни. Основываясь на этомъ божественномъ законѣ жизни рода и вспоминая благословенное Богомъ соединеніе мужа и жены въ родахъ избранныхъ Богомъ людей, Церковь дерзновенно молить Господа, »да, якоже тамо, и здѣ пришедь, невидимымъ предстательствомъ благословить« и этотъ новый бракъ и, даруя брачующимся »животъ миренъ, долгоденствіе, цѣломудріе, другъ ко другу любовь въ союзѣ мира, да подастъ имъ и сѣмя долгожизненное«. Церковь особенно молить Господа объ этомъ послѣднемъ дарѣ, объ этой милости роду: »да даруетъ имъ единомысліе, да сохраняетъ ихъ въ единомудріи, и такъ, вѣнчавъ ихъ въ плоть едину, да даруетъ имъ плодъ святаго единомудрія—плодъ чрева, благочадія воспріятіе«. Неоднократно возносится Церковью сугубое моленіе о томъ, »да благословятся мужъ и жена и

да подастся имъ цѣломудріе, незазорное пребываніе въ мирѣ и единомысліи, да покажетъ Господь брагъ ихъ честнымъ, несквернымъ ихъ ложе соблюдать, да благоволитъ ихъ сожителству пребывать непорочнымъ, да возвеселитъ ихъ видѣніемъ сыновъ и дочерей, да сподобитъ ихъ узрѣть чада чадовъ и, наконецъ, да сподобитъ ихъ въ старости маститѣй достигнути, чистымъ сердцемъ дѣлая заповѣди Божіи, и тако, благоуждая предъ Нимъ, да возсіяютъ, яко свѣтила на небеси, въ Немъ, Господѣ нашемъ... Ниспосылая брачующимъ свое послѣднее благословеніе, Церковь сопровождаетъ ихъ въ жизнь святымъ пожеланіемъ, »да подастъ имъ Господь преспѣяніе живота и вѣры, благожитіе, благочадіе, да исполнитъ ихъ всѣхъ сущихъ на земли и, наконецъ, да сподобитъ ихъ и обѣцанныхъ благъ воспріятія«. Это послѣднее напутственное слово Церкви новому роду, грядущему въ міръ!

Какой возвышенный смыслъ всѣхъ этихъ моленій Церкви! Окруженная родомъ, призванная благословить самое источникъ начало новаго рода, Церковь съ особенною силою молится о томъ, что есть самая существенная, самая жизненная потребность рода—о дарованіи новому роду благодати чадородія въ единомысліи, цѣломудріи, въ незазорномъ, честномъ и непорочномъ жителствѣ, въ любви совершенной и мирной! И въ земныхъ отношеніяхъ, если человекъ о чемъ просить усилленно и настойчиво, то это знакъ, что онъ проситъ о самомъ необходимомъ для его жизни, что съ полученіемъ просимаго онъ надѣется получить особенное благо для себя, особенно цѣнное удовлетвореніе въ законахъ своего бытія, духовнаго или тѣлеснаго. И мольбы человека тѣмъ горячѣе и неотступнѣе, чѣмъ большимъ сознаніемъ освѣщаются для него его потребности, чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ требованія закона своего бытія и жаждетъ возстановленія его во всей силѣ. Итакъ, если и Церковь, или

что все равно, родъ устами Церкви повторяетъ свои »вслегласныя« моленія о продолженіи рода; то это знакъ, что и мольбы рода исходятъ изъ самой глубины родовой жизни, что предметъ ихъ—самое необходимое для жизни рода, и мольбы эти пламенны и неотступны, ибо въ основѣ ихъ лежитъ ясное сознаніе родомъ всечеловѣческаго значенія божественнаго закона о святомъ союзѣ мужа и жены »въ помощь и воспріятіе рода«, и пламенное желаніе сохраненія этого святаго завѣта во всей силѣ въ жизни родовъ. И если истинно то, что мы большею частію начинаемъ понимать цѣну какого—либо блага только съ утратою его, и только тогда бдительно охраняемъ правильный ходъ жизни, когда собственнымъ опытомъ узнаемъ всѣ дурныя послѣдствія нарушенія законовъ развитія жизни: то, дѣйствительно, ни о чемъ родъ не можетъ и не долженъ пламенно и неотступно молить Творца и Законоположника жизни, какъ о неуклонномъ соблюденіи этого божественнаго завѣта святаго соединенія мужа и жены »въ помощь и воспріятіе рода«. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ божественныхъ завѣтовъ, положенныхъ Творцемъ для духовнаго и естественнаго бытія человѣчества, не подвергался такому нарушенію во всѣ вѣка жизни человѣчества, какъ этотъ коренной, основной законъ бытія рода, и нарушеніе ни одного изъ божественныхъ законовъ не влекло для рода такихъ страшно гибельныхъ послѣдствій, какъ безсознательное ли или сознательное нарушеніе этого закона. Ни одинъ изъ Божіихъ даровъ человѣчеству не былъ такъ неблагодарно и недостойно употребленъ свободнымъ произволеніемъ человѣка, какъ этотъ великій творческій даръ »воспріятія рода«. Ни одна идея, на которой когда-либо останавливалась мысль человѣка, не была такъ ложно понята, такъ превратно толкуема и въ ослѣпленіи страсти такъ гибельно прилагается къ жизни человѣчества, какъ эта благотворнѣйшая и вѣстѣ

съ тѣмъ яснѣйшая идея рода. Ни одна цѣль, которую когда-либо сознаніе человѣка поставляло для любой жизненной дѣятельности, не была такъ туманно представляема, такъ охотно и лукаво застѣняема и затемняема для сознанія злымъ произволеніемъ страсти, какъ эта серьезная, вѣчно неизмѣнная цѣль для разумно сознательнаго стремленія человѣка къ продолженію рода. Ни одна изъ темныхъ силъ, когда-либо дѣйствовавшихъ въ мірѣ человѣческомъ, не бросала такихъ густыхъ тѣней на свѣтлый духовный міръ человѣка, какъ злая сила страсти, которая, дѣйствуя въ падшей человѣческой природѣ, подкапывается подъ основы рода, лежація на божественномъ законѣ святаго соединенія »въ помощь и воспріятіе рода«. Слово, мысль, воображеніе, представленіе, понятіе, чувство, воля—вся эта духовная жизнь человѣка,—никогда и ничѣмъ не были такъ омрачаемы, никогда и ничѣмъ не приводились въ такой безпорядокъ, какъ этой слѣпою страстностью человѣческой природы, вѣчно и враждебно мятущеюся противъ непреложныхъ опредѣленій божественнаго закона. Никогда неодушевленная и неразумная природа не была свидѣтельницею большаго униженія и болѣе низкаго паденія ея царя-человѣка, украшеннаго вѣнцемъ разума, какъ то униженіе и попрачіе человѣческаго достоинства, какое терпитъ родъ, когда вопреки указаніямъ разума, увлекаемый страстью, неразумно попираетъ основной законъ—разумъ своего бытія—выраженный въ божественномъ законѣ о бракѣ только »въ помощь и воспріятіе рода«. Законы, дѣйствующие въ видимой природѣ, благотворны и въ то же время разрушительны для человѣка: благотворны, если человѣкъ пойметъ ихъ, обладаетъ ими и въ приложеніи ихъ къ потребностямъ своей жизни строго сообразуется съ внутреннею силою, такъ сказать, съ смысломъ тѣхъ взаимныхъ отношеній силъ природы, которыя дѣйствуютъ въ области извѣстнаго закона; разрушительны для все-

го окружающаго, если человѣкъ отнесется къ нимъ не съ надлежащимъ знаніемъ или съ небреженіемъ. Но никогда никакое непониманіе не производило такого всесокрушительнаго дѣйствія для рода, какъ непониманіе и отреченіе отъ разума, влекшее нарушеніе и преступленіе этого божественнаго закона святаго союза »въ помощь и воспріятіе рода«. Черезъ преступленіе этого предѣла, положеннаго Творцемъ, сколько чистыхъ жизненныхъ радостей отравлено! сколько горя и бѣдствій приложилось къ жизни рода, и безъ того горькой и нерадостной на землѣ! сколькими горестными стопами болѣзней и сокрушенія разбитыхъ сердець оглашена жизнь человѣческая! какимъ страшнымъ настроеніемъ, какими распрями и кознями, какимъ безмѣрнымъ скопищемъ раздоровъ переполнена и возмущена жизнь семействъ и родовъ! какою гнусною ложью и лицемеріемъ омраченъ свѣтлый жизненный потокъ рода! сколько свѣжихъ юныхъ силъ принижено и подбошено подъ всесокрушающими ударами страстей прежде, нежели родъ могъ порадоваться ихъ жизненному цвѣту и плоду! сколько юныхъ родовъ угасло! сколько старыхъ рушилось и распалось! какое неисчислимое множество жизней человѣческихъ изуродовано, далеко отброшено отъ пути рода и доведено до животнаго прозябанія! сколько жизненныхъ сферъ для его дѣятельности заражено и растаѣно дыханіемъ порока! сколько борьбы и усилій потребно роду, чтобы проложить себѣ среди этихъ опасностей вѣрный путь къ жизни и продолженію... и нѣтъ для него большихъ опасностей, какъ *эти* опасности, приготовленные для него преступленіемъ божественнаго закона, злоупотребленіемъ Божіимъ даромъ! Какимъ насиліемъ придавлена свобода человѣческаго духа! Какъ вообще обезображенъ весь обликъ человѣка и человѣчества тамъ, гдѣ разумъ, поработенный страстью, отвергъ обязательную силу Божьяго завета и вмѣсто святаго соединенія мужа и жены »въ по-

мощь и воспріятіе рода» ухищряется поставить для этого союза другой законъ, устанавливаетъ другую цѣль—здоровой органической жизни, полноты отправления тѣлеснаго организма! Тутъ уже свѣтильникъ святой любви гаснетъ, вѣра мертва, надежда убита, совѣсть мятется и молчитъ, сердце черствѣетъ и ожесточается, жизнь жалко опошляется и позорится, царствуетъ животная обособленность, родъ разлагается, рвутся связи человѣчества, дышетъ трупомъ и смертію для всего живаго, для всего святаго, чистаго, высокаго! Мѣсто всего этого заступаютъ животные процессы,—и исчезаетъ родъ, остаются отъ него только единицы, безсильныя сплотиться во что-либо похожее на родъ, жалкія жертвы ослабленія и безумія, поправшаго божественные законы, уничтожившаго божественный разумъ жизни человѣчества. Въ естественной жизни природы иногда удается уединить и обособить иную разрушительную силу, обрушивши ее противосилами, ее парализующими, и даже заставить ее служить на пользу человѣку. Не то въ живомъ организмѣ рода, этомъ мірѣ свободы и духа. Разрушительный потокъ страсти, преступивши предѣлы, положенные Творцемъ для ея законнаго и цѣлесообразнаго направленія, уже не знаетъ другихъ предѣловъ, которые могли бы остановить его: нѣтъ возраста въ родѣ, который бы онъ пощадилъ; нѣтъ состоянія и званія, которыя бы оградилъ отдѣльное лицо отъ его напора, нѣтъ мѣста въ душѣ человѣка, куда бы не могла проникнуть зараза зла и смятенія; нѣтъ у рода естественныхъ силъ обезсилить губящее его зло. Наука безсильна спасти родъ отъ увлеченія страстью, отъ забвенія божественныхъ законовъ; служители ея—тѣже люди, и страсти часто тиранствуютъ надъ ихъ убѣжденіями, и сама наука является у нихъ на послугахъ. Гражданскіе законы и не задаютъ себѣ невозможной задачи искоренить въ родѣ зло преступленія противъ основныхъ законовъ его жизни; они

задаются болѣе скромною задачею—только по возможности ограничивать зло, по возможности предотвращать его гибельныя послѣдствія; иногда они угрожаютъ карою за его совершеніе, но совершенное преступленіе и зло, будь оно и наказано, уже оставило свои разъѣдающіе слѣды въ жизни рода, и всякое новое преступленіе противъ законовъ его бытія есть все лишняя и лишняя жгучая язва на покрытомъ струпами и болѣзненнымъ живомъ организмѣ рода. И нѣтъ для рода ни пластыря, ни обязанія, нѣтъ у него, безпомощнаго, врачевства отъ этихъ незаживающихъ вѣковѣчныхъ изъязвленій. Только животворная сила Божія все-сильна спасти слабый родъ отъ гибели; только благодать Творца можетъ сохранить въ немъ преемственную силу жизни; только Божій Духъ можетъ охранить непоползновенными пути рода; только въ Церкви, въ союзѣ съ Церковію, родъ находитъ для себя потребную для борьбы съ темною силою страсти брѣпость и устойчивость; только же она одна и стоитъ на стражѣ рода, одна блюдетъ его сокровѣннѣйшее благо—его жизнь. И вотъ родъ, безсильный самъ собою побороть темныя силы страсти, въ немъ мятущіяся противъ божественнаго закона, возводитъ очи къ небу и устами Церкви молитъ Божественнаго Законоположника брака, нетлѣннаго Хранителя и житейскихъ благаго Строителя, да Самъ Онъ, Владыка, въ началѣ создавшій человека и положившій его, какъ царя твари, и установившій святую тайну брака, и нынѣ ниспослетъ Свою небесную благодать на новый родъ, представляемый брачною четотою, и благословитъ ихъ святое соединеніе въ помощь и воспріятіе рода, и даруетъ имъ плодъ чрева въ единомысліи и цѣломудріи, и сподобитъ ихъ узрѣть сыны сыновъ своихъ!.. Это молитвенный вопль рода къ благому Законоположнику рода, призывающій благословеніе и хранительныя силы Божіи на новый родъ, на его входы и исходы, на его жизнь,

на его любовь, миръ и счастье среди опасностей, среди борьбы, ему предстоящихъ!...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЧЕГО НЕ ВСЕГДА ВИДНЫ ПЛОДЫ НАШЕГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА?

(По поводу книги: *Слова Сергія епископа курскаго*. Москва. 1870).

Какъ проповѣдники наши благодарили бы Бога, если бы о своихъ прихожанахъ могли они засвидѣтельствовать тоже, что ап. Павелъ свидѣтельствовалъ о коринѳянахъ, именно что проповѣдь его о Христѣ утвердилась въ нихъ (1 Кор. 1, 6), или что писалъ онъ о солунянахъ, именно что въра ихъ возрастаетъ, и умножается любовь каждаго другъ къ другу между всеѣми (2 Сол. 1, 3). Но если уже въ первенствующихъ церковныхъ обществахъ, какъ напримѣръ въ коринѳскомъ, подаѣ свѣта не мало было и мрачныхъ тѣней; если между семью апокалипсическими церквами нашлось только двѣ, въ свидѣтельствѣ о которыхъ не содержится: *но я имѣю противъ тебя...* (гл. 2 и 3): то тѣмъ понятнѣе, что современные наши проповѣдники мало имѣютъ поводовъ хвалиться успѣхами своей проповѣди въ средѣ своихъ прихожанъ. Когда подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что въ каждое воскресеніе, въ каждый праздникъ въ тысячахъ храмовъ Божіихъ раздается проповѣдническое слово о вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ; то приходишь въ смущеніе отъ бесплодности результатовъ, получаемыхъ отъ такой большой затраты средствъ, усилій и энергій, и невольно спрашиваешь себя: отчего это происходитъ?

Много отвѣтовъ представляютъ на этотъ вопросъ; сами проповѣдники считаютъ нужнымъ такъ или иначе касаться этого вопроса въ своихъ проповѣдяхъ. Въ одномъ изъ не-

давно изданныхъ словъ преосвящ. Сергія предлагается, хотя и косвенно, отвѣтъ на тотъ же вопросъ. Передавъ читателямъ содержаніе этого слова и указавъ въ немъ вообще на проповѣдническую манеру автора «Словъ», мы съ тѣмъ вмѣстѣ получимъ и нѣкоторые отвѣты на поставленный въ началѣ нашей замѣтки вопросъ, занимающій какъ проповѣдниковъ, такъ и нѣкоторыхъ изъ усердныхъ ихъ слушателей. Проповѣдникъ назначаетъ слово свое на праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и текстъ для проповѣди беретъ изъ читаемаго въ богородичные праздники евангелія: *и сестра ей бѣ, нарицаемая Маріа, яже и сидиши при ногу Иисусову, слышаше слово Его*. Лук. 10, 39. Рѣшивши въ приступѣ вопросъ: «почему эти слова слышатся почти во всѣ праздники въ честь Маріи Приснодѣвы», и замѣтивши, что изъ этого евангелія къ празднику «Введенія» относится и то, что сказано о внимательной сестрѣ Маронной Маріи, слушавшей слово Спасителя, такъ какъ Приснодѣва Марія, по воспоминанію праздника, преимущественнымъ своимъ занятіемъ имѣла чтеніе священныхъ книгъ, проповѣдникъ переходитъ къ темѣ своей проповѣди. «Воспомявая торжественное введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи и Ея воспитаніе здѣсь въ духѣ слова Божія—таковъ переходъ къ темѣ,—обратимся къ себѣ самимъ съ вопросомъ: занимаемся ли и мы словомъ Божиимъ, чувствуемъ ли какую-нибудь къ тому охоту?—Увы, *успѣховъ видно такъ мало*, что гораздо естественнѣе и нашему маловѣдѣнію приличнѣе вопросъ: отчего въ насъ такая неохота къ этому чистому и святому занятію? отчего эта разсѣянность, когда *почти невольно и случайно мы бываемъ вводимы въ это занятіе?*» По отношенію къ предмету нашей замѣтки, вопросъ прямой, на основаніи словъ проповѣдника, можетъ быть выраженъ такъ: отчего такъ мало видно успѣховъ въ проповѣди, хотя многіе и слуша-

шають нерѣдко проповѣдниковъ?—Сказавши, потомъ, что значить заниматься словомъ Божиимъ, къ каковымъ занятіямъ очевидно относится и слушаніе проповѣдническаго слова, проповѣдникъ положительно говоритъ, что »современный человѣкъ мало чувствуетъ усердія къ сего рода занятіямъ«. Вообще этотъ проповѣдникъ нигдѣ не выпускаетъ изъ виду »современнаго человѣка и человѣчества«, слѣдитъ за нимъ во всѣхъ проявленіяхъ и направленіяхъ современно-общественной его мысли. Это рѣзкая особенность всѣхъ почти ста словъ преосвящ. Сергія. Не любя многословія, проповѣдникъ кратко указываетъ причины нерасположенія современнаго человѣка къ духовнымъ занятіямъ, разумѣя здѣсь по преимуществу чтеніе и слушаніе слова Божія, а въ томъ числѣ и разумное слушаніе церковныхъ проповѣдей. »Это нерасположеніе, говорятъ онъ, происходитъ отъ нашей испорченности, въ которой родимся, и вмѣстѣ есть ея признакъ. Нѣтъ сомнѣнія, что душа выше тѣла, подобно какъ тѣло важнѣе одежды; а между тѣмъ, по всюду видимъ, какъ часто беретъ перевѣсъ тѣло надъ душою, и все вещественное надъ духовнымъ, невидимымъ. О духовномъ надобно размыслить, и въ этомъ чрезъ вѣру убѣдиться; а вещественное видимъ, ощущаемъ, и имъ увлекаемся. Голодь духовный, недостатокъ просвѣщенія, знанія, человѣкъ переноситъ, иногда совсѣмъ непримѣтно для себя; но голодь тѣлесный скоро ощутителенъ, и тѣмъ онъ мучительнѣе, чѣмъ тщательнѣе голодный старается заглушить его. Ту же разность примѣчаемъ въ трудѣ умственномъ и тѣлесномъ: успѣхъ въ трудахъ и заботахъ внѣшнихъ, если онъ есть, то скоро бываетъ очевиденъ, и радуется трудящагося; но трудъ умственный всегда требуетъ бодрости душевныхъ силъ, ихъ напряженія, и дитя не прежде, какъ вышедши изъ дѣтскихъ лѣтъ, начинаетъ хорошо понимать, какая польза въ томъ, что его заставляли

учиться. Всѣ мы дѣти въ отношеніи къ духовнымъ занятіямъ, и намъ нужна борьба съ собою, чтобы полюбить предметы вѣры и бесѣды о нихъ. Одинъ святой старецъ вотъ что разсказывалъ о себѣ и своихъ ученикахъ: »Когда я бесѣдовалъ съ ними о пользѣ душевной, на нихъ нерѣдко напалъ такой глубокій сонъ, что они не могли открыть глазъ. Однажды, чтобы испытать ихъ, я заговорилъ о пустомъ предметѣ: братья такъ обрадовались, что и сонъ ихъ тотчасъ прошелъ. Тогда, вздохнувъ, сказалъ я: доколѣ мы разсуждали о небесномъ, у всѣхъ васъ очи отягощены были сномъ; а когда вышло изъ устъ моихъ праздное слово, всѣ вы охотно проснулись. Внимайте же себѣ, и берегитесь дремоты, когда дѣлаете, или слушаете что духовное«. Изъ этихъ словъ проповѣдника, выписанныхъ нами съ буквальной точностію—съ цѣлію показать способъ изложенія его и методъ развитія мысли, одинаковый во всѣхъ почти его словахъ, одинаковый даже до привычки приводить въ каждомъ словѣ краткій разсказъ изъ жизни какого-либо святаго старца или краткое изреченіе какого-либо аввы изъ древнихъ подвижниковъ,—читатель ясно видитъ, гдѣ коренится главная причина малоуспѣшности нашей проповѣди. Преобладающая матеріальность въ испорченной природѣ человека—вотъ гдѣ корень и основа малоплодности духовнаго сѣянія! Матеріальный вѣкъ, реальное направленіе общей жизни, устраненіе идеаловъ изъ текущей нормы жизни замѣтно даютъ себя чувствовать не только въ отношеніи къ успѣхамъ проповѣди, но и вообще въ области духовнаго и философскаго знанія. Когда вообще потребности духовныя стоятъ на заднемъ планѣ; когда силы и способности души и тѣла устремлены на одно внѣшнее, тѣлесное и матеріальное: тогда естественно и успѣха слѣдуетъ ожидать въ той области, гдѣ сосредочивается напряженіе силъ.

Но такъ какъ и духовныя потребности человека неот-

разимо ищутъ себѣ духовнаго же удовольствія, а современный человѣкъ между тѣмъ не имѣетъ охоты доставлять имъ такое удовольствіе; то отсюда и происходитъ, что для успокоенія себя онъ измышляетъ себѣ разныя оправданія, говори, напримѣръ, что заключающееся въ словѣ Божіемъ, все это устарѣло, что человѣчество далеко ушло впередъ и насмѣшливо отзывается о тѣхъ урокахъ, какіе, быть можетъ, изъ приличія онъ принужденъ бываетъ слышать въ храмѣ. Проповѣдникъ нашъ обстоятельно разбираетъ это хитрое извиненіе. «Совершенно справедливо, говорить онъ, что вѣра православная стара, и добродѣтель, ея проповѣдуемая, не новая. Но позволительно ли презирать старое, ища новаго? Напротивъ, не нужно ли изучить старое, по крайней мѣрѣ для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе оцѣнить новое? Не сами ли защитники новыхъ понятій говорятъ, что человѣчество должно идти впередъ путемъ изученія прежнихъ событій, имъ пережитыхъ? А между тѣмъ въ области вѣры хотятъ судить о томъ, чего еще сами не знаютъ и чего ясно различить не могутъ. Истекаетъ вторая тысяча лѣтъ, какъ ученіе Христово водворилось на землѣ; но узнавшіе его не поверхностно и нынѣ, и при концѣ міра будутъ повторять съ однимъ глубоко-мысленнымъ мужемъ (Тертулліаномъ), что послѣ Христа и Его евангелія не нужно намъ иныхъ учителей, «съ инымъ направленіемъ».

Исходя съ теоретической области въ область практики, малопродуктивность проповѣди большинство собственно у насъ, православныхъ, объясняютъ обыкновенно недостаткомъ хорошихъ проповѣдниковъ. Касается этого объясненія и нашъ проповѣдникъ. «Думается, говорить онъ, что ни одинъ, кто поставленъ быть церковнымъ учителемъ, не будетъ хвалить себя, но укорить недостойнство свое. Однакожь, кому изъ насъ не случалось примѣчать, какъ лѣнивый ученикъ не-

рѣдко слагаетъ вину своего незнанія на то, будто учитель мало толковалъ ему урокъ? Когда рѣчь клонится къ осужденію ближняго: скоро ли кто догадается, что рассказчикъ неискусно осуждаетъ? но не мало найдется готовыхъ приложить свое ухо къ нему; а когда судятъ о проповѣдникахъ, требуютъ, чтобы и строгость Божія закона была нѣсколько подслащена, и рѣчь бы текла въ самыхъ современныхъ выраженіяхъ. Чтѣ спрашивать, много ли, мало ли нынѣ искусныхъ наставниковъ духовныхъ? И въ древнія времена не много было Златоустовъ; но древніе христіане не такъ занимались словомъ Божиимъ, какъ мы... Къ этому можно бы присоединить еще указаніе и на проповѣдниковъ инославныхъ, обладающихъ, нужно отдать имъ справедливость, несомнѣннымъ даромъ проповѣдничества; не мало такихъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ на западѣ; да и заурядные тамъ проповѣдники, согласимся, краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе нашихъ: но чтѣ же, много ли видимъ успѣховъ отъ ихъ проповѣди, уже несравненно долѣе и притомъ чаще раздающейся, чѣмъ наша проповѣдь? Нѣтъ, не въ недостаткѣ хорошихъ проповѣдниковъ кроется причина невидныхъ и незамѣтныхъ успѣховъ проповѣди: у насъ и были и нынѣ есть хорошіе проповѣдники, хоть бы напримѣръ и авторъ словъ, появленіе которыхъ въ печати подало намъ поводъ къ нашей замѣткѣ...

Не будетъ ли скорѣе заключаться эта искомазъ причина въ томъ, между прочимъ, что для большинства проповѣдь стала уже дѣломъ привычки и поэтому никого не затрагиваетъ, никого ни къ чему не возбуждаетъ? Такъ уже заведено, чтобы священникъ въ концѣ литургіи поговорилъ нѣсколько минутъ о вѣрѣ и благочестіи и, пожалуй, сдѣлалъ обличеніе людскихъ пороковъ, съ угрозою грѣшникамъ гнѣвомъ Божиимъ. Оканчивается это тѣмъ, что даже самыя обличенія въ устахъ проповѣдника считаются дѣломъ обык-

новеннымъ, естественнымъ; и если бы кто другой сталъ обличать, слушатели бы, пожалуй, оскорбились, но съ кафедръ-стерпятъ все... Поэтому нужно что-нибудь больше проповѣди; необходимо и внѣ кафедры твердое, свободное и мужественное слово, которое открыто говорило бы святую христіанскую истину. И при этомъ уже проповѣдь становится достояніемъ не однихъ только официальныхъ проповѣдниковъ. Кто вѣритъ въ истину, тотъ отъ самой истины получаетъ божественное полномочіе на проповѣдничество въ той сферѣ, вращаться въ которой Господь привелъ его, въ томъ обществѣ, членомъ котораго состоитъ онъ, или по крайней мѣрѣ въ своемъ семействѣ. Въ виду зла молчаніе непозволительно, хотя бы оно было и удобнѣе...

Впрочемъ, усердные проповѣдники, въ виду малоуспѣшности результатовъ своей проповѣди, имѣютъ основаніе не предаваться унынію: успѣхъ зависитъ не отъ нихъ. По долгу, по совѣсти они должны совершать служеніе слова, давать своимъ слушателямъ то, что имъ самимъ дано отъ Бога, успѣхъ же своей сѣятвы предоставлять Тому, Кто, при нашемъ сѣяніи и поливанні, Одинъ можетъ возрастить. Сужденіе о насъ и приговоръ составитъ не на основаніи того, что мы сдѣлали великаго (Матѣ. 7, 22), но на основаніи того, вѣрны ли мы были въ своей части, вѣрны ли въ маломъ. Пастыри не тому должны радоваться, что духи имъ повинуются,—конечно духи какъ упорныхъ, такъ и послушныхъ слову людей,—но тому, что имена ихъ написаны на небесахъ (Лук. 10, 20). Внутреннее утѣшеніе ихъ должно основываться на томъ убѣжденіи, что все, что производитъ добраго проповѣдническое слово, остается большею частію сокровеннымъ, открытымъ только предъ очами Божиими. Проповѣдники не какіе либо фабриканты, которые произведенія своихъ машинъ могли бы посылать на ремесленную выставку; они и не школьные учителя, которые

ежедневно могутъ испытывать своихъ учениковъ въ знаніи преподаннаго имъ. Проповѣдники не знаютъ, чтоъ выростетъ изъ посѣяннаго ими слова, но что они не напрасно трудятся, это они знаютъ и должны знать, такъ какъ имѣютъ обѣщаніе Господне, что слово Его не возвратится пустымъ (Ис. 55, 11) и Господь сказалъ и къ проповѣдникамъ, чтобы они шли и плодъ принесли (Іоан. 15, 16).

Да будетъ же многоплодною и благоплодною проповѣдь нашихъ православныхъ пастырей и архипастырей; да будетъ проповѣдническое слово и устное и письменное сильнымъ на разореніе твердынь религіознаго невѣжества и прочнымъ на устроеніе новой благодатной жизни о Христѣ; да найдутъ, наконецъ, себѣ многочисленныхъ читателей «Слова» Сергія епископа курскаго, представляющія для современныхъ пастырей — проповѣдниковъ образцы архипастырскаго слова, отзывающагося на современные вопросы мыслящаго общества.

Х. О.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

въ 1871 году.

Направленіе *Православнаго Обозрѣнія*, кажется, въ достаточной степени выяснилось предъ читателями какъ за одиннадцать лѣтъ его изданія вообще, такъ и въ частности за два послѣдніе года изданія подъ новой редакціей. Въ будущемъ намъ остается только возможно полнѣе раскрывать отдѣльныя стороны однажды поставленной задачи. Выясненіе истины православнаго христіанства въ примѣненіи къ требованіямъ современности, къ разнообразнымъ

сферамъ и потребностямъ жизни,—сближеніе интересовъ религіозныхъ съ интересами общественными, духовной науки съ общею наукою, внутреннихъ вопросовъ русской Церкви съ судьбами всего христіанскаго міра,—живое сочувствіе къ пробужденію религіозныхъ интересовъ преимущественно въ нашемъ обществѣ, къ важнымъ реформамъ, постепенно предпринимаемымъ въ нашей Церкви,—разъясненіе значенія этихъ начинаній, возможное въ предѣлахъ частной литературной дѣятельности,—отрѣшеніе отъ сословной исключительности во взглядахъ и стремленіяхъ при твердой преданности общему дѣлу Церкви: — вотъ главныя черты того литературнаго направленія, которому мы старались и будемъ стараться служить. Сочувствіе къ нашему дѣлу въ кругу людей, интересующихся религіозными вопросами, свободное сотрудничество въ нашемъ журналѣ представителей науки не только specially духовной, но и общей такъ-называемой свѣтской, постоянное вниманіе къ *Православному Обозрѣнію* въ большинствѣ образованнаго духовенства даютъ намъ увѣренность въ твердости избраннаго пути. Въ новыхъ ожидаемыхъ условіяхъ нашей духовной печати и церковно-административнаго быта вообще мы надѣемся встрѣтить новыя удобства и болѣе широкую возможность для серьезнаго служенія литературнымъ словомъ великому дѣлу православія.

Православное Обозрѣніе въ 1871 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, подъ редакціею священника Г. П. Смиркова-Платонова, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи священниковъ А. М. Иванцова-Платонова и П. А. Преображенскаго.

Въ составъ *Православнаго Обозрѣнія* будутъ входить:

1) Статьи научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго содержанія.

2) **Обозрѣніе замѣчательныхъ событій церковной жизни въ восточныхъ православныхъ церквахъ и западныхъ христіанскихъ обществахъ.**

3) **Статьи по практическимъ вопросамъ церковной жизни—о положеніи Церкви и ея отношеніяхъ къ государству и обществу, о призваніи и бытѣ духовенства, о современномъ положеніи духовно-учебныхъ заведеній, о задачахъ духовной литературы, о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа и т. п.**

4) **Критическіе и библіографическіе обзоры замѣчательныхъ явленій духовной науки и литературы—русской и иностранной.**

5) **Извѣстія и замѣтки: новѣйшія постановленія по духовному вѣдомству, извѣстія о состояніи православныхъ русскихъ миссій, лѣтопись духовно-учебной реформы, распоряженія о новомъ устройствѣ приходовъ, внутренняя корреспонденція, письма изъ за границы, славянская хроника, разныя извѣстія, библіографическій листокъ и т. п.**

6) Въ приложеніи, по окончаніи перевода сочиненій св. Иринея, будетъ печататься переводъ творенія св. *Ипполита* «О философскихъ умозрѣніяхъ», или «Противъ всѣхъ ересей».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна годоваго изданія *Православнаго Обозрѣнія* на 1871 годъ *шесть рублей 50 коп.*,—съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другіе города *семь руб. сер.*

Подписка принимается *въ Москвѣ, въ редакціи Православнаго Обозрѣнія, Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, д. святи. Смирнова-Платонова,*—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: *въ редакцію Православнаго Обозрѣнія, въ Москвѣ.* Въ случаѣ неисправнаго по-

лученія книжекъ, редакція удовлетворяетъ всѣ справедливыя жалобы подписчиковъ.

Подписка на Православное Обозрѣніе 1870 г., равно какъ и 1869 г., продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Редакторъ Православнаго Обозрѣнія съ 1869 года священникъ Григорій Смирновъ-Платоновъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ДУХОВНОЙ БЕСѢДЫ СЪ ЦЕРКОВНОЮ ЛѢТОПИСЬЮ.

Журналъ »Духовная Бесѣда« съ »Церковною Лѣтописью« будетъ выходить и въ слѣдующемъ году, — четырнадцатомъ своего существованія. Редакція употребитъ всѣ усилія, чтобы улучшить свой журналъ, какъ по отношенію къ внутреннему содержанію, такъ и по внѣшнему его виду и объему. Редакція и прежде нерѣдко давала подписчикамъ большее число листовъ, чѣмъ обѣщала, и чѣмъ сколько даютъ другіе еженедѣльные и двухнедѣльные дух. журналы и епархіальныя вѣдомости, при той же и даже высшей цѣнѣ. Не смотря на то, редакція, при обиліи матеріаловъ, всегда стѣснялась малымъ размѣромъ своего журнала. Съ будущаго года она, съ улучшеніемъ шрифтовъ, намѣрена давать, вмѣсто обычныхъ двухъ листовъ, но два съ половиною и по три листа еженедѣльно, кромѣ приложений, печатать болѣе или менѣе обширныя ученныя сочиненія и увеличить объемъ Церковной Лѣтописи какъ оффиціальными, такъ и не оффиціальными статьями.

По программѣ Духовной Бесѣды, утвержденной Св. Синодомъ въ 1857 году, цѣна за годовое изданіе этого журнала назначена была: безъ пересылки три рубля пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою пять рублей. Но впослѣдствіи, когда почтовое начальство, въ уваженіе къ полез-

тому направленію Духовной Бесѣды, уменьшило плату за ея пересылку до 50 коп.; редакція назначила журналу цѣну четыре рубля съ пересылкою, но считая ни во что приготовленіе, печатаніе и сортировку адресовъ, пакеты, пошпакеты и проч. Также цѣна журнала осталась и въ минувшемъ 1869 году, хотя плата за пересылку его была значительно возвышена и новыя правила разсылки періодическихъ изданій возложили на редакцію обременительные труды и расходы; редакція Духовной Бесѣды принесла подписчикамъ чувствительныя жертвы какъ въ 1869, такъ отчасти и въ текущемъ году.

Въ виду этого увеличенія расходовъ на пересылку, и имѣя намѣреніе расширить объемъ журнала, редакція Духовной Бесѣды съ Церковною Лѣтописью рѣшилась возстановить первоначальную цѣну съ, утвержденную Св. Синодомъ, именно: пять рублей съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи и доставкою на домъ въ С.-Петербургъ. Безъ пересылки и доставки цѣна журнала, получаемого изъ редакціи, четыре рубл. Къ этой основной цѣнѣ журнала столичные подписчики прибавляютъ 1 руб. по таксѣ за доставку на домъ; иногородные тоже прибавляютъ 1 р., именно: 60 коп. (15/2) за пересылку по почтѣ и 40 коп. за бандероль, печатный адресъ и сортировку журнала по 28 трактатъ.

Полные экземпляры Духовной Бесѣды за 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, равно и за 1870 гг. получаютъ изъ редакціи по 4 рубля съ пересылкою за каждый и по 3 р. 50 к. безъ пересылки. Подписчиковъ, давно уже требовавшихъ нашъ журналъ за прежніе годы, а также и книги, объявленныя нами, честь имѣемъ извѣстить, что всѣ затребованныя у насъ изданія—иныя отправлены, другія приготовлены къ отравѣ по принадлежности.

Въ заключеніе повторяемъ иногороднымъ подписчикамъ нашу обычную покорнѣйшую просьбу: адресоваться съ требованіемъ журнала, минуя всякія посредства, прямо: **Въ С.-Петербургъ, въ редакцію Духовной Бесѣды**, и заявлять свое требованіе на журналъ благовременно.

Редакторъ протоіерей *Іоаннъ Яхонтовъ*.

Печ. позвол. Кіевъ. 7 декабря 1870 г. Ценс., профес. академіи, **М. Щеголевъ**,

Въ типографіи **И. и А. Давиденко** (архид. С. Бульженко и В. Давиденко).